

18+

АСЛАН САЙДУЛАЕВ

По следу Грааля

І ЧАСТЬ

Аслан Сайдулаев

По следу Грааля. I часть

«Издательские решения»

Сайдулаев А.

По следу Грааля. I часть / А. Сайдулаев — «Издательские решения»,

В книге собраны автобиографические заметки автора, связанные с историческими реалиями разных эпох, которые постепенно приоткрывают завесу над прошлым. Помимо описаний истор. и полит. потрясений, автор обращается к значимым темам: что скрывают чеченские горы — следы древних тамплиеров, существовала ли пещера Аарона и Апокриф Исава? Здесь же о загадочных экспедициях XX века, о структурах Третьего рейха — Аненербе, НКВД и КГБ СССР. Были ли они лишь исследователями или шли по следу чего-то большего?

© Сайдулаев А.

© Издательские решения

Содержание

Автор	7
От автора	8
Фрагменты детства	13
I	13
II	16
Лаха Нойре	18
(Нижний Наур)	18
I	19
II	21
Назначение	26
I	26
II	30
Хасуха	32
I	32
II	35
Отец	38
I	38
II	41
III	47
Итум-Кале	50
I	50
II	52
III	55
IV	57
Родословная	59
I	59
II	62
Цеси	67
I	67
II	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

По следу Грааля I часть

Аслан Сайдулаев

Редактор Исмаил Акаев

Дизайнер обложки Янина Дикаева

© Аслан Сайдулаев, 2026

© Янина Дикаева, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-4815-6 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-4816-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аслан Сайдулаев

По следу Грааля

I часть

Публицистика

22. 02. 2026

Автор

Автор книги Аслан Сайдулаев родился 22 февраля 1955 года в поселке Шокай, Карагандинской области Казахстана, в репрессированной чеченской семье. В 1958-м году после разоблачения культа личности Сталина семья Аслана Сайдулаева в числе первых выехала на Родину.

В 1970-м году после окончания 8 классов в Надтеречной средней школе Аслан Сайдулаев поступил в Грозненский нефтяной техникум, который закончил в феврале 1974 года по специальности «Полевая геофизика», но по этой профессии он не работал и выбрал совершенно другую дорогу.

Служба в армии в немецком городе Постдам в качестве командира танка в 1974—1976 годах и определила для Аслана его призвание.

После службы в конце 70-х годов он работал постовым милиции города Грозного, а через несколько лет стал слушателем Высшей школы МВД СССР в городе Горьком (ныне Нижний Новгород). По окончании учебы службу продолжил оперработником по борьбе с экономическими преступлениями.

На этом поприще Аслан делал большие успехи и занял пост начальника милиции Надтеречного района, откуда уволился по собственному желанию летом 1993 года и перешёл на работу заместителя директора по договорно-правовой части филиала «Кредо банк» в Грозном.

После начала военных действий в Чечне, с марта 1995 года продолжил работу в том же банке, где проработал до августа 1996 года. В 1997—1998 г.г. работал в Москве в филиале Агропромстройбанк на должности начальника кредитного отдела. С конца 90-х работал заместителем директора по юридической части международной Академии строительства и экологии в Москве, а уже в начале 2000-х был направлен на службу в Чечню в качестве заместителя Управления министерства юстиции РФ по Чеченской Республике.

В июле 2001 года уволился со службы по собственному желанию и с семьёй выехал в Бельгию, где и проживает в настоящее время. «По следу Грааля» — первый литературный опыт Аслана Сайдулаева, в котором он по крупницам собрал все свои личные наблюдения и свидетельства касательно этой глубокой и до конца неизведанной темы.

От автора

Дорогой читатель! Я впервые приглашаю тебя в свое повествование, в котором привожу некоторые отрывистые, но более запомнившиеся переломные эпизоды из своей жизни, и не только. Это не совсем биографическое повествование, так как моя биография не является какой-то уникальной для людей моего поколения. Возможно, что она может больше представлять интерес лишь только для тех, кто меня знал.

Читатель, вероятно, заметит, что моё изложение не отличается и хронологической последовательностью. Но я старался излагать факты, которых мне, волею случая, пришлось установить самому, либо соприкоснуться с ними в той или иной степени.

Здесь рассказана только часть, ставшей мне доступной, информации. По неопубликованным здесь материалам работа ещё продолжается. Надеюсь и их со временем донести до заинтересованного читателя.

Часть этого повествования касается периода Гражданской и Второй мировых войн в России, а также времени — до и после депортации чеченцев в Сибирь и Среднюю Азию, так как наиболее драматические события исследуемой нами темы связаны именно с этим историческим периодом.

На эту тему написано много, поэтому я старался привести малоизвестные или неопубликованные факты и события той эпохи. Но особенность содержания этого повествования заключается в том, что при чтении книги читатель столкнется с крайне загадочными и неизведанными ранее глубинами чеченской истории. Возможно, кто-то впервые столкнется с этой темой, возможно, кому-то покажется, что я говорю или посягаю на какие-то нереальные, не имеющие место быть вещи. Однако хочу сразу заметить, что я ни в коей мере не претендую на роль исследователя или историка, я лишь хочу рассказать миру ту правду, с которой я когда-то столкнулся, поведать о тех событиях, свидетелем которых я когда-то стал.

Мое повествование нестандартное и отличается от многих публикаций, которые мы привыкли читать на историческую тему по нашему краеведению. Я поставил себе цель — если писать, то только правду, такую, какую я видел и воспринимал, со ссылками на очевидцев, либо ссылками на другие источники, но без каких-либо идеологических прикрас.

Не скрываю, что хотел в этом смысле придать этой публикации оттенок оригинальности. Насколько это мне удалось, судить вам.

В этом повествовании приводятся, в основном, официально, не до конца опубликованные или малоизвестные факты по разным историческим событиям. Привожу те, которые запечатлелись, в том числе и в воспоминаниях от живых участников или их потомков. Я здесь затрагиваю очень тонкие струны исторической души нашего народа — тема пророка Ноя (Мир Ему). Чечня и Ингушетия являются частью Европы. Точнее будет сказать, мы составляем её далекую окраину. Среди уже бытующих мнений в исторической науке, превалирующим ещё с 19-го века (или даже ранее), является то, что европейские народы являются представителями кавказской расы.

А прямыми, более сохранившимися до современности кавкасионками являются чеченцы, ингуши, а также кистинцы, хевсуры и несколько других горских народностей Грузии, живущих по соседству с вайнахами, а также Дагестана (андийцы и др.). Они же — прямые потомки Ноя (Ноах, мир ему). Раньше это был один народ — ноахчи/Люди Ноя/. Сегодня — это самоназвание, которое сохранилось только у чеченцев. Родоначальник нахов Кавкас являлся четвёртым потомком Ноя. Причина этого, на первый взгляд для читателя, странного, глубокого экскурса в историю, кроется в следующем.

Здесь затронута тема, которая, главным образом касается одной тайны, имеющей 2000-летнюю историю.

Она и проходит тонкой нитью через всю книгу. Официально задокументированные попытки раскрытия этой тайны в Чечне идут ещё с 1-й половины 19-го века, со времён российского императора Александра 1-го и продолжались вплоть до конца 80-х годов 20-го века. Речь идёт о тайне пещеры, которая в архивах и исследовательских документах значится как Пещера Аарона. С глубокой древности этой тайной владели чеченцы. Похоже, что они владеют ею и сейчас.

Но даже в совсем недавнее время это был очень ограниченный круг лиц. Эти лица не известны. И эта тайна передавалась лишь кругу посвящённых, из поколения в поколение.

Оговорясь сразу, автор этих строк не владеет тайной о местонахождении пещеры. Да и не ставил я перед собой эту задачу, проводя своё, если можно так выразиться, частное исследование. Я ставил перед собой цель узнать, что именно хранится в этой пещере. Все ранее фиксированные факты были мне во многом непонятны. И только сейчас, изучив результаты исследований других немногочисленных учёных-историков, сопоставив их логически и хронологически с тем, что стало известно мне, я, наконец-то подошел, как мне кажется, поближе к разгадке этой тайны.

И в этом у меня уже мало места для сомнений. Это не моё открытие. Эту тайну, хоть и не до конца, но уже раскрыли другие авторы, проведя свои исследования. Ими являются московский учёный — исследователь Юрий Захарченко и чеченский краевед, публицист и прозаик Надирсолта Эльсункаев.

Они ещё до меня проделали в этом большую работу. Но что самое интересное, что мы пришли к единой теме разными путями, не будучи ещё даже знакомы, что очередной раз подтверждает объективность версии. И на их мнения и труды я также буду ссылаться.

Если не многие, то некоторые из вас знакомы с их работами. Волею случая и я прикоснулся к этой тайне. Я всего лишь по крупичкам, по обрывкам чьих-то воспоминаний, сам того до конца не ведая, но, пытаясь докопаться до сути, параллельно собрал дополнительное подтверждение информации об этой загадке.

Чтобы не утомлять читателя я немного приоткрою завесу. Начиная с раннего Средневековья и до сегодняшнего дня вся христианская европейская история переплетена с тайнами и интригами вокруг Чаши Грааля. (Или Святого Грааля). Есть различные версии, что под Святой Граалью подразумевается даже не Чаша, а камень, или в это понятие вложен другой символ и т. п. В нашем же случае речь будет идти именно о Чаше.

Написано много научно-исторических, приключенческих, фантастических произведений и снято фильмов различными компаниями мировой киноиндустрии — «Код да Винчи», «Кровь тамплиеров», «Король-рыбак», «Индиана Джонс и последний крестовый поход» и др. Было много интриг и других козней между государствами и различными христианскими Орденами, королевскими и другими знатными сословиями. И пролито много крови вокруг неё. А Чаша, по сравнительно недавно обнаруженным данным и с наибольшей долей вероятности, оказалась спрятанной в чеченской пещере.

И каким-то удивительным образом, совершив большой круг через века и континенты, через жесткие государственные и церковные цензуры, информация и тайна о ней дошла до нас. Но не через тех, кто владеет этой тайной, хотя кое-кто в Европе, да и в Чечне, ещё с тех времён, знали, где хранится Чаша...

С самого начала своего возникновения и до настоящего времени не прекращались попытки завладеть тайной Пещеры Аарона и со стороны масонского общества или связанных с ним тайных структур. По всему видно, что они, наряду с хранителями, параллельно посвящены в его тайны, которые остаются, до конца непонятны и нам самим. В этом повествовании мы сделаем попытку раскрыть и их участие и роль в поисках этой Чаши.

Что касается гималайских экспедиций гитлеровского рейха, других западноевропейских и российских научно-исследовательских групп, то они там не занимались поисками Грааля, как

ошибочно трактуют некоторые авторы. Они были заняты поисками таинственной Шамбалы. Но гималайские тайны имеют определенную связь и с тайной пещеры в Чечне. И вы об этом узнаете.

Впервые информацию о Чаше я случайно получил ещё в 80-е годы, в бытность мою офицером милиции в самом высокогорном районе Чечни, куда я был направлен по распределению после учебы.

Но тогда я даже приблизительно не мог понять значение Чаши, и информация о ней только усложнила мне понимание проблемы. Тогда я это посчитал легендой или плодом чьих-то фантазий и не стал особо уделять внимание ей. Сама Чаша тогда для меня представляла побочный интерес. Я даже не имел представления, что существует такая святыня как Чаша Грааля. Более того, я ее тогда отождествил с ритуальным котлом, который, по преданиям, до середины 19-го века хранился в Нашахе. Мое внимание было больше акцентировано на установление другого, как мне казалось, более значимого факта, связанного с тайной пещеры.

Немецкий (гитлеровский) научно-исследовательский центр Аненербе потратил несколько лет в горной Чечне в поисках пещеры, где хранится эта Чаша и другие древние артефакты. Немецкие исследователи здесь начали работать ещё с 1930 года, то есть еще до создания Аненербе и прихода к власти Гитлера. Работу немецких исследователей облегчало то обстоятельство, что они в то время имели возможность общаться, если не с хранителями, то с местными старожилами, которые могли иметь больше сведений из глубокой старины, имеющих отношения к тайной пещере.

Немцам удалось даже найти эту пещеру, но не смогли реализовать дальнейшие свои планы. Они бесследно пропали в горах Чечни. Можно предположить, что они не успели доложить своему руководству в Германии о своей находке. Иначе немцы в дальнейшем не продолжили бы поиски пещеры Аарона в других уголках Кавказа.

Вся поисковая исследовательская группа пропала или, скорее, была уничтожена сразу же после того, как они обнаружили эту пещеру. По разным данным, их было трое или четверо исследователей. Кто их уничтожил? Или куда они пропали? Германское правительство потребовало от советского руководства, с которым оно было в дружеских отношениях, провести расследование по факту исчезновения группы и даже, по согласованию с советским руководством направило сюда группу опытных агентов разведки. Это не дало результатов. Факт их исчезновения до сих пор остаётся нераскрытой тайной. Случилось это еще в 30-е годы, задолго до начала войны СССР с нацистской Германией. Но тогда, в 80-е годы, я об этих деталях не знал.

Расследование факта пропажи исследователей из Аненербе в Чечне стёрлось из памяти людей после последовавших сталинских репрессий в отношении интеллигенции и духовных лиц, мировой войны и депортации всего народа в Сибирь и Среднюю Азию. Кроме того, в дальнейшем, факт пребывания и пропажи в Чечне исследователей из Аненербе был властями засекречен.

Гитлеровцы считали, что Чаша Грааля имеет дохристианское происхождение и для этого у них были основания. И некоторые подтверждения этому есть в этом повествовании.

Её искали (и ищут) чуть ли не во всех странах Европы. Все существовавшие версии о её местонахождении зарождались из каких-то туманных, неясных и часто противоречивых источников, основу которых составляли лишь расплывчатые ссылки в древних документах, а также легенды и сказания. В нашем же случае можно говорить о задокументированном доказательстве её наличия в Чечне. Речь идёт об уникальном историческом документе «Апокриф от Исава», который на протяжении многих сотен лет подвергался изъятию и уничтожению. Но он сохранился. О том, что Чаша Грааля хранится в стране чеченцев, знали и рыцари Ордена тамплиеров ещё с первых крестовых походов. Их первый поход за святыней в Чечню в начале 12-го века (1121 год) через Грузию был неудачным. Их, пусть же с большим трудом, но все же разгромили горцы. Но уже почти через двести лет рыцари этого Ордена вернулись сюда

обратно, и для них страна нахов стала последним прибежищем после начала их разгрома и уничтожения в Европе, хотя судьба бежавших от расправы тамплиеров и их сокровищ, официально считается неизвестной. Существует множество недоказанных, а потому, различных версий о том, куда бежали с сокровищами уцелевшие рыцари. Оставаясь верными своим христианским убеждениям и, разуверившись в тех, которые были призваны быть оплотом этой религии, они бежали туда, где хранится эта Святыня... И подтверждение этому вы также найдёте в этом повествовании.

Говоря об «Апокрифе от Исава» с самого начала стоит отметить, что слово «Апокриф» к этому документу применил упомянутый Юрий Захарченко, и мы будем использовать и применять это слово в дальнейшем. Но этот документ не является таковым. Скорее это Послание (завещание), посланное потомкам-соплеменникам одним из наших героев из далеких Гималаев на Кавказ, незадолго до своей смерти.

Но откуда взялась эта Чаша именно в Чечне? Ведь она расположена так далеко от мест многих европейских исторических событий. И вряд ли кто-либо в Европе и знал о том, что существует такая страна. А может быть, это какая-то другая Чаша? Не думаю. На эти вопросы уже есть ответы в трудах, на которые я буду ссылаться. Обо всем этом вы узнаете в этом повествовании.

Я не сторонник мистических концепций. Всегда стараюсь, как юрист, руководствоваться только фактами, но многое в этом исследовании окутано мистикой и требует дополнительных исследований. В исторической науке существует такое понятие как «полевой материал», то есть материал, собранный ближе к исследуемому объекту, на месте. Материал из нелабораторных и неакадемических источников. Некоторая часть моей информации — это и есть. Но многие из этих фактов подтверждаются, в том числе и документально-историческими, архивными источниками.

Буду считать свою цель достигнутой, если изложенное здесь окажет хоть малую толику помощи людям, занятым исследованием тайны этой древней истории, имеющей мировое значение.

Думаю, в случае публикации этой работы, будет критика и давление на автора. Я жду обвинений в лженаучности — натаскивании фактов, возможно, в национализме и т. п. Как юрист, я к этому готов. Я делаю юридический анализ и оценку того, что мне самому удалось установить. Это моё право. Я не зависим в этом ни от кого. Самому себе я верю больше. Это выработано еще и жизненной практикой. Пытаюсь скрупулезно, по крупицам и объективно связать все факты в одну цепочку. И я отдаю себе отчёт в том, что если где-то будет присутствовать слабое звено или звено из «инородного материала» (недостовверного), то цепочка оборвется. И скептикам и оппонентам будет повод оспаривать и опровергать мои выводы и доводы. Я стараюсь этого не допустить, поэтому некоторые факты, которые требуют ещё дополнительного изучения и подтверждения, я пока не раскрываю в этой работе. Они, надеюсь, будут представлены читателям и возможным оппонентам в следующей работе, либо это сделают с моей помощью другие, более компетентные исследователи. Я это допускаю. Иначе, многое, что я делаю — напрасный труд, и я останусь один со своими выводами. Но у меня уже осталось мало места для сомнений в том, что здесь изложено, а потому я буду и дальше работать над этим, насколько это будет возможно. Уверяю вас, что некоторые из этих фактов будут интересными для вас. Я полностью отдаю себе отчет также и в том, какую серьезную историческую тему я поднимаю, даже не будучи научным или иным специалистом по истории.

Прежде, чем решиться на публикацию этой работы (по жанру это ближе к эссе), я консультировался и дал возможность ознакомиться с текстом некоторым компетентным лицам. Среди них ученые-историки, писатели, журналисты из разных регионов, стран и национальностей. Получил, в основном, позитивную реакцию от них. Я получил не относящиеся к основной теме замечания, которые проанализировал, изучил и некоторые из них принял к сведению.

Одни из них требуют дополнительных исследований и уточнений, но это уже в компетенции историков. С некоторыми замечаниями я не согласился в принципе. Но среди них не было ни одного, который был бы не согласен с содержанием основной темы работы или был бы против её публикации. По их собственному признанию, некоторые из них были «шокированы» поднятой и раскрываемой темой.

Когда я ссылаюсь на какой-то источник или версию, то стараюсь это подчеркнуть. Привожу только те источники, которые переплетаются с приводимыми мною фактами.

Свидетельствую (перед Всевышним, и людьми) что все, исходящее от меня лично в этом повествовании соответствует истине. Некоторые факты, события и свидетельства, изложенные в этом повествовании, остаются необъяснимыми до сих пор и для автора этих строк.

Фрагменты детства

I

Мое детство выдалось, пожалуй, на самый тяжелый в жизни чеченцев период. Я родился на далекой чужбине 22 февраля 1955 года в посёлке Шокай Осакаровского района Карагандинской области Казахской ССР в семье репрессированных чеченцев. Когда меня спрашивают откуда ты родом, то всегда отвечаю — из Лаха Нойре. Чеченцы, родившиеся в высылке, не говорят, что они родом из Казахстана, а всегда называют место, где до этого родились и жили их предки. Это чеченское село в Надтеречном районе, где жили мои предки до четвёртой генерации по отцовской линии. Мы из рода (тайпа) Гордалой.

В Надтеречье первым из моих предков переселился пятый предок Эжа, ещё в первой половине 19-го века. А все Гордалой имеют происхождение из Нашаха. По некоторым данным мы, как и Энгиной, потомки двух братьев — Энгана и Гордала. И сохранившиеся донные руины замка и башен Моцкара также являются нашими родовыми.

Так получилось, что я обладаю феномальной детской памятью или возможно из-за того, что мое детство было непростым эти фрагменты жизни в Казахстане когда мне было всего лишь 3—4 года, навсегда с особой болью и трепетом врезались в мою память. Это были годы, когда изгнанные с родных земель чеченцев окончательно отвоевали свое место под солнцем и через годы лишений и потерь прокладывали свой первый путь домой.

В Осакаровском районе Карагандинской области есть железнодорожная станция Шокай и посёлок с одноименным названием. Он стал почти безлюдным с тех пор, как его начали покидать возвращающиеся на Родину чеченцы ещё в конце 50-х годов. Вместе с чеченцами его покинули карачаевцы, а после чеченцев оттуда начали уезжать и другие бывшие репрессированные — немцы, украинцы... После этого не прижились там и местные казахи. Но при чеченцах там жизнь действительно кипела. Мой дядя Эла вплоть до начала первой Чеченской войны, чуть ли не ежегодно, во время отпуска, выезжал не на курорты и в санатории, а именно туда, — к могиле матери. По его рассказам, на месте чеченского кладбища остались едва заметные холмы. Там же похоронены и две мои малолетние сестры, которых я никогда не видел. Во многих чеченских семьях дети, родившиеся в первое время после депортации, часто не выживали.

Мы жили в глинобитном доме на берегу озера. У отца был самодельный плот. Часто он брал ружьё и уплывал на нем на противоположный край озера, в камыши и потом оттуда были слышны выстрелы. Он охотился на уток. Я всегда с плачем просился с ним на плот. Но он меня не брал, видимо, из соображений безопасности. Но этот плот и эти дальние камыши врезались в мою детскую память, как нечто очень желанное и, вместе с тем, недостижимое...

По рассказам старших, в посёлке все этнические группы уживались дружно. Все изредка возникавшие конфликты решались старейшинами быстро и без вмешательства властей. Даже казахи и представители других этнических групп, при возникновении каких-либо спорных вопросов между собой, говорят, обращались к чеченцам за помощью в справедливом их решении. И всегда все стороны оставались довольны. Отец был грамотный, и его назначили бригадиром над военнопленными японцами. Это было ещё во второй половине 40-х годов, до моего рождения. В основном они строили бараки для переселенцев и выполняли другие строительные работы. Японцы сдружились с отцом, и они часто, после работы, большими группами бывали у нас дома. Мать их угощала, чем могла. Родители о них отзывались с большой теплотой. Отец и мать помнили некоторых даже поименно и говорили, что трудолюбивее и честнее их людей не видели.

Позже, после смерти Сталина, советское руководство затеяло очередной глобальный проект — освоение целинных земель. В Казахстан хлынули со всей страны десятки тысяч добровольных переселенцев, — целинников. Кроме того, с ними же поселили прибывших в Казахстан «вербованных».

Среди последних было много криминальных элементов, освобождённых из лагерей по амнистии после смерти Сталина. Были участники войны, не приспособившиеся к нормальной жизни, а то и просто пьяницы и бездельники. По рассказам старших, многие из них приехали с единственной целью — получить «подъемные» деньги. Эти деньги им выделялись на дорогу, обустройство на новом месте, питание и т. п. И по тем временам это были хорошие деньги. На новом месте работа для них ещё не была организована. Да и сами они работать не торопились, а «подъемные» деньги уже были выданы. И в основном они те деньги тратили на пьянство. С появлением этих людей появились элементы новой «культуры» — нецензурная лексика, пьянство, пахабные частушки... Баланс установившихся ранее межнациональных взаимоотношений, был нарушен. По всему Казахстану прокатилась волна межнациональных конфликтов и погромов. Во всех конфликтах, одной стороной почти всегда выступали чеченцы. В этих конфликтах было много жертв. Иногда, власти бывали вынуждены вводить в некоторые области армейские подразделения для пресечения беспорядков и погромов. И «виноватыми», часто, оказывались чеченцы.

Я помню со слов отца, что все эти «вербованные», ещё до выезда в Казахстан, инструктировались о том, что в Казахстане живут «чечены» и «бандеровцы», — враги народа, предатели и изменники и что их надо будет «давить и ставить на место».

Итог известен — чеченцы выстояли, впрочем как и всегда, хотя им и пришлось за это заплатить дорогую цену. Вновь прибывшим пришлось жить по другим, неизвестным им доселе правилам. Не оказался исключением и наш посёлок Шокай.

К тому времени в посёлке поселили партию этих «вербованных». Было их до трёхсот человек, преобладали среди них работоспособные мужчины, были и женщины. Их поселили в оборудованных ещё до их приезда бараках. До начала полевых работ они бездельничали и толпами слонялись по посёлку, часто орали песни и всегда были в поисках водки и самогона. Они вели себя нагло и наводили страх на местных жителей. Чеченские старейшины призывали молодежь избегать с ними конфликтных ситуаций, так как в любом случае виновными будут считаться чеченцы. О многих деталях этих и других событий, я, конечно, позже узнал от старших.

Мать рассказывала, что как-то раз она шла домой с магазина, неся меня на руках и с авоськой с продуктами. Мне тогда оказывается было несколько месяцев от роду. Нас нагнал, возвращавшийся со школы мой дядя Эла и, взяв сумку у матери, пошёл с нами рядом. Эла в то время ходил в восьмой или девятый класс. Но он был рослый не по годам и крепкий светловолосый красавец. Нам повстречалась группа «вербованных» из нескольких парней и женщин, которые при приближении к нам запели какую-то пахабную песню. По всему было видно, что делают это они преднамеренно. Когда они подошли ближе, Эла им сказал: «Замолчите!» Мать сразу же его одернула по-чеченски: «Оставь этих тварей». Но было уже поздно. Завязалась драка. В драку вмешались другие чеченские школьники-старшеклассники, которые также шли со школы. «Вербованные» начали убежать.

При этом один из них упал, споткнувшись в колее. По воспоминаниям матери, это был молодой мужчина, но старше и крупнее Эли. Эла его нагнал, повалил на землю, сел на него сверху и начал топить его голову в колее с грязной водой. Мать положила меня на землю и бросилась оттаскивать Эли. Она уже боялась за жизнь этого «вербованного». Подбежали люди, с силой оттащили Эли и отвели нас домой. При этом я, говорю, орал и плакал во весь голос, лёжа на спине, на земле...

Ответная реакция не заставила себя долго ждать. В тот же день, незадолго после случившегося, к отцу прибежал немец, бывший с ним в хороших отношениях. Немец жил неподалёку от барачков. Он предупредил, что «вербованные» хотят идти громить чеченцев. Отец успел предупредить других. В посёлке проживали ещё несколько десятков семей из Лаха Нойре, Зебир-Юрта и Кень-Юрта. Все, кто в этот момент находился дома, начали вооружаться охотничьими ружьями, вилами, кольями...

Из барачков высыпала большая толпа и двинулась к чеченским домам. Чеченцы жили, в основном, компактно. «Вербованные» были вооружены арматурами, палками. Со слов старших, они шли и напевали какую-то военную песню. Ещё до подхода к домам их встретили чеченцы и несколько карачаевцев. Всего до тридцати человек. Раздались несколько выстрелов. Часть погромщиков устремилась обратно к барачкам. Другая часть бросилась в драку и была она очень жестокой. Погромщики, несмотря на численное преимущество, не выдержали и побежали к барачкам. Убитых, говорят, не было. Но было много раненых и побитых с обеих сторон.

В течение ночи в посёлке никто не спал в ожидании дальнейшей развязки. Всех детей и женщин чеченцы собрали вместе в нескольких рядом стоящих домах, мужчины с ружьями и другими подручными средствами для защиты заняли оборону. Все остальные жители, не участвовавшие в конфликте, в страхе забаррикадировались в своих домах.

На следующий день из райцентра Осакаровки приехало начальство и милиция. В школе отменили занятия. Было следствие, допросы, собрания. Многие жители посёлка, представлявшие другие этнические группы, стали свидетельствовать, против «вербованных». Кто-то был административно наказан, но судебных процессов, говорят, не было. После этого «вербованные» присмирели. Это был уже 1955 год, через два года после смерти Сталина.

II

После возвращения на родину, в 1960 году мой отец поступил на учебу в Астраханскую трехгодичную советскую партийную школу, где готовили партийных специалистов для сельского хозяйства. Через год он вывез и нашу семью туда. Отец получал там стипендию в 60 рублей. По тем временам этих денег хватало на оплату жилья, на питание и остальные расходы. Кроме того, один-два раза в неделю отец с другими сокурсниками подрабатывал по ночам по загрузке-выгрузке товарных вагонов на железнодорожном товарном дворе. За ночь работы они получали в среднем по 10 рублей. Мы жили в районе Большие Иссады в отдельном деревянном доме, который арендовали у дяди Васи, работавшего в рыболовецкой артели. Дядя Вася часто на несколько дней уплывал в Каспийское море. И оттуда он нам привозил в мешках тяжелые хрящевые осетровые и белужьи головы. Они были большие. Я помню, перед приготовлением отец разрубал их топором. Мяса осетровых рыб было так много, что мы уже и не хотели его кушать, а в коридоре у нас стояла фляга с чёрной икрой. Икру нам тоже бесплатно привозил дядя Вася, сдружившийся с нашей семьей. Икру из фляги брали черпаком. В детстве я её много поел. Кстати говоря, в те времена чёрная икра продавалась часто во многих продуктовых магазинах Астрахани и особо не считалась деликатесом. Икра не была в упаковках и чтобы её купить необходимо было брать с собой из дома какую-либо посуду. Продавец предварительно взвешивал посуду и потом черпаком из фляги накладывал её туда. Покупали икру обычно килограммами и была она дешевой.

Почти в каждое воскресенье у нас дома собирались земляки-студенты. Отец был старше всех и его называли «дедом». Мать готовила вкусные жижиг-галнаш с большими кусками этих рыбьих голов. Там же, когда исполнилось семь лет, я пошёл в первый класс. Брат Руслан и сестра Шема ходили со мной в одну школу. Младшая сестра Медна ещё не доросла до школьного возраста. Руслан старше меня на шесть лет, а Шема на пять.

Как-то после уроков я увидел перед школой Шему, которая плакала, а рядом стоял брат, расспрашивая её о чем-то. Оказывается, сестру в классе оскорбил какой-то мальчик, назвав её «чечмек». Выяснилось, что он её оскорблял и до этого, но сегодня она не выдержала и выскочила из класса. Шема указала на своего обидчика, который стоял с группой других учеников. Брат сказал, чтобы мы быстро пошли домой. Мы с сестрой отошли, но не ушли. Я знал, что брат будет драться. Но он — один, кроме нас, чеченцев во всей школе не было. Руслан подошёл к группе школьников, развернул к себе лицом обидчика и, молча, наотмашь ударил его кулаком по лицу. Потом ещё и ещё раз.

Я подбежал ближе. Брат был в ярости. Все школьники удивленно пялились на эту сцену. Обидчик уже упал на колени. На лице у него была кровь. Потом два других школьника, видимо, друзья обидчика, набросились на брата. Они все были старше меня на 6 лет. Но я уже не боялся — со мной был брат. Мне тогда было около восьми лет. И, главное, ещё с малолетства усвоенное правило — не уклоняться от вынужденной драки даже против сильного противника. Я, бросив портфель, кинулся в драку.

Руслан начал избивать и второго, и третьего, а я сзади вцепился в одного из них, обхватив его ноги и, сомкнув челюсти, укусил его зубами ниже ягодицы. Тот заорал от сильной боли. Досталось и мне. От его удара локтем у меня была разбита губа, шла кровь и я плакал, но его я не отпускал. Разняли нас взрослые.

На следующий день были разбирательства у директора школы в присутствии матери и родителей других участников. Заставили помириться и взаимно извиниться. Но мать заставила признать вину и извиниться также и учительницу Шемы за ненадлежащее исполнение ею своих педагогических функций. Мы добились достойного к себе отношения. Оскорблений больше не было. Драчуном и забиякой я не был ни до, ни после этого случая. Я рос в относительно

интеллигентной семье, но начал познавать один из важных элементов суровой прозы жизни, — что значит быть чеченцем в этом мире и почему иногда нужно обнажать клыки.

Лаха Нойре
(Нижний Наур)

I

С 16-го века (после падения власти Тимура Хромого), часть чеченцев начала постепенно возвращаться из горных районов на плоскость — на Чеченскую равнину, в долину Терека, на берега Сунжи и Аргуна (в нижнем его течении), на свои исконные земли.

А. А. Саламов: «Страшная земельная теснота, голод толкали чечено-ингушские племена из горных кручин и теснин к тучным плоскостным землям. За многовековую историю они не раз выходили к притеречным просторам и вынуждены были снова укрываться в горы под давлением более сильного противника. Переселяясь на равнинные земли, чеченцы и ингуши первоначально образовывали небольшие компактные села из отдельных, более или менее известных одноименных родовых обществ. Причём некоторые села сохранили за собой названия тех тейпов, родоначальники которых являлись основателями тех или иных сел в горах.» Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом» (XVI — XX век), Грозный, 1963, т. III, вып. I, стр. 22.

Надтеречье всегда была исконно чеченской территорией, но частые нашествия варваров, кочевников принуждали жителей периодически его покидать и уходить в более безопасные предгорья и горные ущелья. И каждый раз эти земли оказывались занятыми другими народами. Чеченцы их вытесняли и вновь селились здесь, на своих землях.

После падения Золотой Орды и Империи Тимуридов эти земли оказались заселенными потомками этих бывших империй — кумыками, ногайцами, кабардинцами... Чеченцы вновь начали заселять свои бывшие территории и напоминать пришлым, кто является здесь истинным хозяином и на этот раз основательно. Из гор переселялись самые храбрые и сильные. Как правило, многодетные семьи, где преобладали сыновья, потенциальные воины.

Поначалу приживались все относительно без особых проблем. Благо, земли хватало всем. Чеченцы селились рядом на тех же хуторах, где проживали и пришлые. Но проблема была в другом — пришлые жили под властью своих князей, эльдаров, а чеченцы жили в свободном обществе. И они, видя, как живут чеченцы, уже не хотели мириться с ролью зависимых, крепостных. В возникавших конфликтах с властимушцами, они зачастую обращались за помощью к чеченцам.

Несколько лет назад мне пришлось прочитать в журнале «Орга», очередной номер которого мне удалось заполучить в Бельгии, статью какого-то кандидата исторических наук, имя которого я не запомнил. В этой статье даётся историческая характеристика надтеречных чеченцев в том, что среди них зародились чуть ли не феодальные отношения и пр.

В качестве примера приводится Адин Сурхо, поселившийся в Надтеречном селении, ныне известное как Элин-юрт, к которому обратились местные «пахари» («ахархой»), с просьбой о помощи против притеснений князя Мусоста. Сурхо — это реальный исторический персонаж и является популярным героем чеченских преданий. Видимо, автор диссертации покопался в официальных архивах, добавил несколько цитат как принято, и опубликовал свою работу, с учётом того, что, согласно марксистско-ленинской концепции развития общества, все народы «должны» были пройти все стадии общественно-политического устройства...

Ещё в третьем классе, когда я учился в Элин-Юрте, у меня учителем родного языка и литературы был старый педагог Мальсагов Аюб. Он же был и одним из уважаемых старейшин в этом селении. Я запомнил впервые с его слов и легенду об Адин Сурхо.

Только он рассказывал уже не фольклорную легенду, а реально, как это было на самом деле и именно в этом селении. Князь Мусост был кабардинцем, а его людьми (крепостными) были кумыки и кабардинцы. Вот они в поисках справедливости и обращались к Адин Сурхо за помощью. В то время таких не чеченских князей в Притеречье было несколько. Девлетгири, Ногай-Мирза, Кахарма (Кагерман) и др. Только они не властвовали над чеченцами.

При возникновении споров или конфликтов чеченцы им напоминали старонахское классическое выражение: «Наши люди все являются князьями». Логика этого выражения заключалась в том, что чеченцы — свободные люди, и никто не может властвовать над ними. Кумыкские, аварские и кабардинские князья не смогли противостоять спускавшимся с гор и обратно селившимся здесь чеченцам. Часть их подневольных людей, на примере чеченцев, уже не хотели быть больше зависимыми от своих прежних владельцев. И все эти князья в дальнейшем и большинство их людей покинули эту землю. А некоторые их бывшие крепостные остались и с тех пор давно «очеченились».

II

У чеченцев не было феодальных отношений. В тайповом чеченском обществе это было невозможно в принципе. Было лишь имущественное расслоение.

«Аулы, населенные на Тереке, составляли более цивилизованную часть Чечни...» — писал современник. И здесь же: *«Умственное развитие чеченцев далеко опередило нравственное, они очень искусные дипломаты, как между собою, так и с русским правительством. Они чрезвычайно тонки, осторожны, дальновидны в своих действиях, чему способствовала их врожденная недоверчивость, а главное — непрерывное насилие и вечные войны. Чеченец богато одарён умственными способностями...»* Дубровин Н. Ф., генерал-лейтенант. **«История войны и владычества русских на Кавказе». СПб, 1871. Т. 1.**

С появлением царской администрации появились другие «князья», — потомки тех, ранее изгнанных князей, но уже назначенные царскими указами и состоящие на государственной службе чиновники. Эти «князья» относились уже к другой категории. У чеченцев считалось зазорным идти на службу царской власти, где каждый должен кому-то подчиняться, даже независимо от статуса.

Когда кто-либо и соглашался идти на службу, то это налагало пятно на весь его тейп. Но в возникающих новых жизненных реалиях, особенно в плоскостной части Чечни, которая граничила с зоной влияния российской власти, а иногда и входила в неё, в этом часто возникала необходимость. И потому чеченцы согласились на то, чтобы уже потомки прежних изгнанных отсюда князей вернулись обратно на службу к царской администрации, куда сами чеченцы не хотели идти. От них требовалось главное — быть посредниками между чеченцами и русской (царской) администрацией. Чуть позже на царской службе начала появляться и чеченская этническая элита. Туда, как правило, втягивали тех, кто по той или иной причине враждовал с Шамилем.

Таких с каждым годом становилось больше. И многие из них до этого играли далеко не последнюю роль в имамате Шамиля. Таких людей царская администрация принимала охотно. Им присваивались чины, они наделялись высокими жалованьями и богатыми землями. И на сегодняшний день в Надтеречье проживают многочисленные потомки бывших шамилевских наивов. Но «княжеской» власти над собой чеченцы в любом случае не признавали.

И доказывали это впоследствии не раз. Сами «князья» с этим вынуждены были мириться, но при этом, пользуясь наивностью, безграмотностью и доверчивостью чеченцев, постоянно чернили их перед русской администрацией. Власть этих «князей» держалась только на русских штыках. Вплоть до установления советской власти этих князей периодически изгоняли, иногда убивали, отбирали у них имущество, а домовладения сжигались. Но с подобным фактом не соглашалась царская администрация. Устраивались военные карательные акции. Из-за этого и возникали многие конфликты и противоречия с властями в дальнейшем.

Надтеречная Чечня, войдя в соприкосновения с российской царской администрацией, объявила себя «мирной» зоной еще в период наместничества на Кавказе генерала Ермолова. В связи с тем, что они проживали в полустепной и открытой местности, они не имели возможность противостоять более мощной русской армии. Но императорской власти над собой жители не признавали. Они признавали эту власть лишь на правах равноправного союзника. Красноречиво об этом свидетельствует рапорт Ермолова императору Александру I-му.

«Если в нынешнем 1818 году чеченцы не воспрепятствуют устройству одно укрепление на Сунже в месте для нас опаснейшем или, если возможно будет успеть учредить два укрепления, то в будущем 1819 году, приведя их к окончанию, живущим между Терекком и Сунжею злодеям, мирными именующимся, предложу я правила для жизни и некоторые повинности,

кои истолкуют им, что они подданные Е. и. в., а не союзники, как они до сего времени мечтают». **Н. И. Покровский, «Кавказские войны и имамат Шамиля». М. 2000, с. 139.**

В дальнейшем, в 1840 году, не желая больше терпеть издевательств и несправедливости от новой русской власти, жители 15 надтеречных селений и хуторов, подожгли свои дома и семьями ушли за Сунжу, чтобы присоединиться к своим соплеменникам в войне против русских. И оставались в сунженских лесах и предгорьях вплоть до окончания Кавказской войны, участвуя во многих сражениях и походах горцев против колонизаторов.

После Кавказской войны в 1863 году было вновь создано Надтеречное наибство в составе Терской области при царской администрации.

Из письма начальника Надтеречного участка князя Эльдарова (аварского происхождения) на имя начальника Грозненского округа от 12 июня 1912 года (я его привожу с сокращениями): «...Общество с. Нижний Наур (Лаха Нойре) за укрывательство Зелимхана лишено права выбора старшины на один год... Одно из разбойных селений участка... Жители селения неоднократно участвовали в самых крупных разбоях... Ежедневно нижненаурцы совершали не менее десяти крупных грабежей и убийств, следы к которому селению приводились из-за Терека почти ежедневно, где и оставались невыведенными, а общество — участвовавших лиц не выдаёт...» (АУП ЧР, Ф. 236, оп. 1, д. 626, номер 220—226).

И в качестве морального наказания «за укрывательство Зелимхана», жители села были лишены права избирать сельского старшину. Взамен этого руководство Терской области, по представлению того же Эльдарова, назначило в это село аварца по имени Галия, который до этого являлся наемным сельским пастухом в этом же селе. Люди посмеивались над этим решением властей. Пастух этот не имел здесь даже своего жилища и его почти никто не воспринимал всерьёз как сельского старшину. А при исполнении им своих функций жители его часто игнорировали.

Кстати, этой же «стратегией» власти пользовались в Чечне не только в царское время, но и вплоть до современности...

Что касается абречества, то это очень глубокая и интересная страница в кавказской истории. Абречество зародилось на Кавказе примерно в 17—18 веках, а наиболее широко распространилось в 19 веке. Абреки для властей были говоря на современном языке преступниками, переступившими через грань закона, но если судить с моральной стороны это были своего рода народные мстители, которые в силу различных обстоятельств вступили на этот опасный путь и до конца оставались ему верны. Они были кем-то вроде рыцарей, которые служили во благо тех, чьи права жестоко нарушались. Жизнь абреков была полна приключений, постоянных неравных схваток и борьбы. Их образ был полон загадок и тайн. Абреки были в те годы были не просто изгнанники, а люди, переступившие границу между законом и судьбой. Их путь у всех начинался по разному, но первоисточник всегда был одинаков — кровная месть, или несправедливый суд или просто нежелание склонить голову перед иноземцами, захватившими их родину. Они уходили в горы пытаясь скрыться как от людей, так и от самих себя и находили там свой покой. Народное мщение стало их главной целью, именно поэтому простой народ и поддерживал их. Имя абреков в горах произносилось с шепотом, но в каждой сакле темной ночью или ранним утром дверь для них была всегда была открыта.

Зелимхан Харачоевский, Кута Чинхоевский, Саламбек Сагопшинский, Сайдулла из Притеречья — их имена по сей день звучат в чеченских семьях как пример мужества и несломленности. Абреки — непосвященные рыцари кавказских гор были пленниками собственной чести и остались ей верны до конца своих дней.

Зелимхан Харачоевский укрывался иногда и у моих предков. Брат моего прадеда, Сулба, был его другом. Как получилось, что житель плоскостного селения Лаха Нойре и житель расположенного далеко в горах селения Харачой Зелимхан Гушмазукаев стали друзьями? Их сблизила и сдружила Грозненская тюрьма, где они находились вместе в одной камере несколько

месяцев. В 1901 году Сулба с товарищами угнал несколько лошадей из табуна богатого кумыкского коневладельца. Так получилось, что по подозрению в этом он был арестован и содержался в этой тюрьме более года, находясь под следствием. Но не был пойман с поличным. Через какое-то время в эту же тюрьму попал с другими родственниками и Зелимхан. Сулба был ловкий, бесстрашный и обладающий чудовищной силой молодой человек. Зелимхану он понравился. Там же в тюрьме они условились, что станут дружить в дальнейшем, если будет суждено выйти на свободу. В том же году Сулба был выпущен из тюрьмы, видимо, по причине отсутствия достаточных доказательств его вины. Как-то к Сулбе пришёл человек родом из Надтеречья. Он также освободился недавно из тюрьмы, а до этого содержался в той же камере, где находился и Зелимхан. Через этого человека Зелимхан передал ему, что он в ближайшее время готовится совершить побег. Назвал примерное время, когда это случится и попросил Сулбу подготовить необходимое количество лошадей и ждать его в старосунженском лесу в условленном месте.

Сулба взял к себе в помощники друга Абубакара (тайп Нижелой, эпоним фамилии Абубакаровых из селения Лаха Нойре) и с лошадьми они прождали два дня в старосунженском лесу. И дождались. В один из предрассветных часов Зелимхан с несколькими беглецами добрался до условленного места. Они встретились. И, не задерживаясь, сразу же ускакали на север, в сторону Терека. А все поднятые на поимку беглецов участники погони устремились на юг, в сторону гор.

Зелимхан никогда не оставался долго на одном месте, но в зимнее время он часто скрывался в Надтеречье. И об этом мало кто знал. По рассказам старших, Зелимхан имел друзей во многих надтеречных сёлах. Доходило до того, что к примеру, в Бено-Юрте (у его друга Жунида) в честь Зелимхана даже устраивали синкьерам (вечеринка с танцами), где последний сидел в качестве почетного гостя. И никто не посмел тогда донести властям о его пребывании здесь. А возможно, что многие и не знали, что это Зелимхан. Мало ли кто может приехать из гор как гость.

До последнего времени в наших семьях о дружбе предков с Зелимханом не любили распространяться. Видимо, сказывался комплекс косвенной вины. Слишком много людей невинно пострадали за подозрения в содействии Зелимхану. Даже уроженец моего села эвлия Кана Хантiev был сослан в Россию за его укрывательство, хотя он его не укрывал. Но Зелимхан, будучи в Лаха Нойре, часто с ним встречался и советовался в своих делах. Известно, что какой-то писатель (это мог быть осетинский писатель Дзахо Гатуев, первым написавший книгу «Зелимхан»), ещё в 30-е годы приезжал в Лаха Нойре для сбора материала для своей книги. По рассказам старших, мой прадед Сайдул в категорической форме запретил родственникам и сам отказался давать ему какую-либо информацию. Времена были смутные в связи с усилением сталинских репрессий. И Сайдул старался не иметь никаких отношений с этой властью ни хороших, ни плохих. Тем более, что его брат Сулба, друг Зелимхана, погиб ещё во время Гражданской войны.

...27 марта 1910 года (по другим данным апрель) около полудня, до 60 вооруженных всадников в черкесах и с голубыми погонами Кизляр-Гребенского казачьего полка въехали в город Кизляр. В первых шеренгах (в каждой шеренге по три всадника) шествовали светловолосые и рыжебородые всадники. Они были специально подобраны человеком, который возглавлял это воинство. Это был Зелимхан. Он поторапливал остальных. Опаздывать было нельзя. Потому что до этого он написал письмо на имя руководства Терской области о том, что в этот день, в назначенный час (полдень), он со своими абреками придет в Кизляр и заберёт из банка все имеющиеся деньги. То есть он уведомил руководство области о том, что они придут и ограбят этот банк. И потому старался быть верным своему слову. В администрации области над этим письмом лишь посмеялись.

В этом году выдалась преждевременно жаркая весна. Был жарким и этот день. Встречные местные казаки внимательно вглядывались в лица всадников, пытаясь найти среди них знакомых. Но эти всадники, молча, не вступая ни в какой диалог со встречными, полурьёсо проскакали к центру города. В первых рядах в этой колонне красовались и потомки моего пятого предка Эжи — Сулба и Аюб (эпонимы гордалоевских фамилий Сулбаевых и Аюбовых), нижелоевский Абубакар, знаменитый ингушский абрек Суламбек из Сагопши с группой всадников-ингушей, а также, совсем ещё молодой двадцатилетний Саадула Магомадов из Верхнего Наура (Лакха Нойре). Ему в будущем, при советской власти, предстоит стать одним из самых знаменитых, дерзких и неуловимых абреков Чечни. Большая часть всадников не являлась абреками, а были подобраны для этого набега на Кизляр на доверии, из них почти половина — из числа жителей Надтеречья — Лаха Нойре, Лакха-Нойре, Бено-Юрта, Кень-Юрта и других сел. Всадников из надтеречных селений собирал Сулба по поручению Зелимхана.

Подробности этого ограбления описаны в книгах упомянутого осетинского писателя Д. Гатуева и М. Мамакаева. Все петербургские, московские и другие российские и даже европейские газеты выходили с сообщениями на первых полосах об этом невероятно дерзком ограблении среди бела дня. Но нигде нет приводимых мною ниже подробностей. По первому впечатлению это молодецкая удаля, бесстрашие или, как бы романтики это могли назвать, «робингудство».

Но сам факт ограбления банка и последовавшие затем репрессии — высылка многочисленных чеченских и ингушских семей в сибирские губернии, наложение высоких, непосильных денежных штрафов на целые селения за пособничество абрекам и явились причиной того, что старшие в нашем роду вплоть до недавнего времени утаивали и не распространяли информацию об этих фактах.

По данным администрации Терской области, всего было похищено 4886 рублей, в основном медными монетами. Других денег в банке, на момент ограбления, не оказалось. Для сравнения, средняя цена одного барана в то время составляла один рубль. Забрав деньги россыпью и в специальных казначейских мешочках, перестреляв несколько казаков-охранников, конная кавалькада полурьёсо выехала из Кизляра, забрав тела своих двоих погибших при перестрелке товарищей, и, разбиваясь, как было условлено, на мелкие группы, поскакали через камышовые заросли к прибрежному лесному массиву и благополучно, без других потерь, переправились на правый, чеченский берег Терека и «растворились» на время в притерских селениях. Какое-то время спустя они вновь встретились в лесном массиве в условленном месте. К ним обратился Зелимхан:

— Ну, как будем делить деньги? У вас будут какие-то предложения?

Старшие из присутствовавших ответили:

— Зелимхан, ты наш лидер. И будет только так, как скажешь ты. Мы согласимся с тем, если ты заберёшь все эти деньги. Куда их девать ты лучше знаешь. В твоём бескорыстии и честности мы не сомневаемся. Когда мы разойдёмся, мы пойдём к себе домой, к семьям, а тебе и твоим людям и дальше придётся скитаться без крова...

Зелимхан распорядился расстелить в длину несколько бурок. На них были высыпаны эти медные деньги. Отмерив «на глаз» примерно десятую часть, он, отделив её, проведя по ней палкой, объявил:

— Эти деньги пойдут для помощи семьям наших погибших товарищей. Мы могли бы их все им отдать, но нам они тоже нужны для того, чтобы мы всегда, в нужное время могли быть готовы собраться для дела. Вы тоже живете в нужде. Я вам очень благодарен. Здесь у вас в Надтеречье мало доносчиков. Но все равно берегитесь. Даже у себя дома не заикайтесь о том, что мы делали. Вы действительно настоящие кьонахи (достойные мужчины, молодцы) и вы мне ещё не раз понадобится. Старайтесь всегда иметь во дворе хорошего коня. Все остальные деньги поделим одинаково для каждого участника...

Деньги не считали. Надо было действовать быстро. Сбор такого количества всадников не мог остаться незамеченным. А поэтому сделали из монет несколько полос на бурках. Рассчитали их длину на количество участников и, таким же образом, на глаз, палкой разделили на каждого эту полосу. О том, что кому-то может достаться больше или меньше, никто и не думал. Каждый забирал свою долю и, не задерживаясь, люди, маленькими группами уходили в разных направлениях от места сбора.

Назначение

I

23 августа 1983 года. Я, выпускник Горьковской Высшей школы МВД СССР, специализирующейся по подготовке специалистов высшей квалификации по борьбе с экономической преступностью и коррупцией. Это была единственная такого рода Высшая школа в стране. Ныне — Всероссийская юридическая Академия МВДФР.

Мы стоим в коридоре на втором этаже МВД Чечено-Ингушетии. За дверями заседает кадровая комиссия с участием представителя административных органов обкома КПСС.

Сам я — беспартийный, но предлагаемые нам должности считались почему-то номенклатурой административного отдела областного комитета партии. Есть выпускники и из других высших учебных заведений СССР, но по другим службам — уголовный розыск, следствие и т. д. Вызывали по одному. Разумеется, каждый из нас мечтал быть направленным на работу в Грозный. В городе проще работать. Налаженная городская инфраструктура и, главное, легче заниматься оперативной работой. Пригласили однокашника Султана. Его направили в один из горных районов. Давлетмерзаев Апти и украинец Кружильный Александр, закончившие со мной вместе учебу, имели городскую прописку и их зачислили в штат ОБХСС МВД республики. Им повезло больше всех. Наступила моя очередь.

В зале за длинным столом сидят более 10 человек — полковник, майоры и несколько человек в штатском. И, как я заметил, только один или два из них чеченцы. Как я впоследствии узнал, во всем отделе кадров республики инспектором работал только один человек из вайнахов — ингуш, и тот был сыном какого-то крупного партийного работника.

Кадровик начал зачитывать:

— До поступления в Высшую школу работал в патрульно-постовой службе Заводского РОВД. Получил почетное звание «Лучший милиционер г. Грозного», был занесён на Доску Почета МВД, награждён знаком «Отличник советской милиции», медали...

Мелькнула надежда, что могут оставить в городе, а то и в центральном аппарате ОБХСС МВД, что было бы ещё лучше. Проблема была в том, что районные отделы милиции имели двойное подчинение. По вертикали — по линии МВД, а по горизонтали — по территориальности, это — райисполкомы, райкомы, которые своим неуклюжим вмешательством в работу только создавали проблемы. Кроме того, районные власти часто бывали связаны с экономической мафией и районным инспекторам часто приходилось бывать как бы между двух огней, особенно при выявлении крупных замаскированных злоупотреблений.

После нескольких формальных вопросов один из тех, что в штатском, задал мне неожиданный вопрос:

— Кто-либо из родственников у тебя работает в МВД?

— Да, работает. В этом здании, на 6-м этаже, начальником подотдела уголовного розыска работает мой дядя, Сайдулаев Эла.

В период с 1970—1978 г.г. он работал начальником Советского (в то время он объединял вместе три нынешних района — Шатойский, Итум-Калинский, Шаройский) РОВД. Возникло небольшое оживление. Конечно, дядю знали все. Равнодушных к нему не было. Почему? Расскажу позже.

Меня попросили выйти и подождать за дверью. Через некоторое время опять:

— Сайдулаев, заходите.

Мне было предложено право выбора — Советский либо Назрановский район. Я понял, что никакие мои прежние заслуги мне на пользу не пошли. Я спросил, а нельзя ли меня напра-

вить в любой другой район? Все-таки в Советском районе мой дядя проработал восемь лет. У него там много друзей, может быть есть и недоброжелатели, с учетом специфики работы и т. д.

Я получил отказ. Более того, один из кадровых работников меня напутствовал, вызвав легкий смех среди присутствовавших:

— Недоброжелателей у твоего дяди там нет точно, но ты лучше держись подальше от его друзей. И все будет нормально.

Вспомнился совет дяди, — ни в коем случае не соглашайся в Назрановский район. Ты, мол, ещё молодой, неопытный. По линии БХСС там тебе работать будет сложно. Будешь потом оттуда проситься куда угодно, а это может повредить карьере, мол, не справился с работой. Со слов дяди там хорошо справится с работой местный, ингуш, у которого есть связи, опора, плюс возможности для ведения оперативной работы. В общем, это наиболее сложный район для начинающих.

Выбора больше не было и я ответил:

— Советский. (Ныне району возвращено прежнее чеченское название — Шатойский).

Я был подавлен. Я не ожидал такого назначения. Ведь до этого ещё Эла за меня ходатайствовал, чтобы меня оставили в Грозном.

У приглашённого после меня однокашника Шамсуди и вовсе не было выбора, — его направили в Назрановский район.

После кадровой комиссии нас попросили подняться на 6-й этаж, где располагались кабинеты центрального аппарата службы и мы начали знакомиться с будущим начальством и коллегами. Начальник ОБХСС МВД республики Письменчук В. А. пригласил меня к себе первым. Он обратился ко мне по имени.

— Аслан, Советский район — самый большой по территории и самый малонаселенный, высокогорный, работа предстоит нелегкая. Экономических объектов для обслуживания немного, но ежегодно в сезон там выпасаются свыше ста тысяч голов скота на высокогорных альпийских пастбищах из многих плоскостных хозяйств республики. Много злоупотреблений, связанных с хищением скота путём пересортицы. Сложные горные и дорожные условия, частые камнепады, размывы дорог и пр. Это единственный отдел в республике, где на балансе, вместе с автотранспортом, состоят верховые лошади. Так что придётся иногда и верхом кататься. Тебя назначаю старшим инспектором и твоя задача продержаться там хотя бы год. Поднять показатели в работе, привести в порядок документацию и, если справишься, я тебя потом переведу в центральный, министерский аппарат. Ты, хоть и молодой, но кадровый специалист и офицер. Таких мы ценим. А Эли Цикиевича, твоего дядю, я хорошо знаю и уважаю.

Дядя меня успокаивал, мол, не переживай, поработаешь год в горах, продлишь свою молодость, изумительная природа и т. п.

Эла решил сам отвезти меня в Шатой и представить районным руководителям. Тем более, многих он там знал по своей прежней работе. В тот вечер в Грозном дома и на следующий день по дороге в Шатой, он мне рассказывал про район. Он знал там каждого взрослого жителя. Дал мне характеристику на всех лиц, с которыми мне придётся работать вместе, либо сталкиваться в работе. Ещё не приступив к работе, я уже знал, кого «прикрывает» райком партии, КГБ, райисполком, республиканские власти.

— А теперь, — самое главное. У тебя работа будет связана с материальными соблазнами. Если «клюнешь» на это хотя бы один-единственный раз или проявишь малодушие в чём-то другом, об этом будет знать весь район. Там ничего не остается в тайне, и все знают обо всем. Берегись этого. У тебя уже не будет авторитета. Потеряешь карьеру. Население района — это в основном люди, привыкшие жить за счёт собственного хозяйства. Рабочих мест мало, и поэтому значительная часть выезжает на сезонные заработки в другие регионы. Во всей истории, в царское время или в советское, в этих горах власти творили по отношению к местным жителям самую чудовищную несправедливость и беззаконие, какие происходят хуже, чем в

Притеречье, поэтому люди до сих пор очень недоверчивы и подозрительны ко всему, что исходит от властей. Существует много бытового, местного интриганства. Никогда не принимай ни одну сторону в этих интригах. Они рано или поздно примирятся, а ты, как посторонний человек, навсегда останешься виновным.

Во взаимоотношениях с людьми придерживайся чеченского этикета, обычаев. И старайся больше держать язык за зубами. Любое одно неосторожное слово может быть истолковано так, что самому это тебе и в голову не будет приходить. Среди работающих в хозяйствах на материально-ответственных должностях много разных «дельцов». Многие из них будут пытаться с тобой подружиться, но только в своих интересах. И каждый из таких имеет хорошую поддержку в верхах, иначе он на этом месте долго не продержится.

Мне повезло, конечно, в связи с тем, что мой дядя здесь работал. Более того, он заслужил здесь авторитет, который мне помог в дальнейшем и в моей работе.

Сказать честно, служба БХСС, призванная бороться с экономическими преступлениями и коррупцией, взяточничеством, была, тем не менее, самой коррумпированной службой во всей правоохранительной системе СССР. Вся утопическая советская экономика, выстроенная на отсутствии конкуренции плюс бестолковое планирование и управление сверху — все это само порождало дефицит во всем и условия для злоупотреблений.

Понятие «общенародная собственность» само по себе чуждо человеческой природе. Но тогда мне так не казалось. Тем не менее, надо признать, что советская государственная система все же уступала по степени коррумпированности нынешней. Государство старалось всячески бороться со злоупотреблениями в сфере экономики. Но объективные причины неэффективности при этом сохранялись. Многие громкие коррупционные дела советской эпохи в конце концов в ходе следствия рушились.

Но вернёмся к нашему повествованию. Это был редкий случай, чтобы руководитель советского правоохранительного органа пользовался таким авторитетом и уважением среди жителей этих гор, как мой дядя. Пусть это и нескромно звучит. Он ценил слово, а чеченцам это нравится и у него это получалось. Он не позволял себе и подчиненным создавать проблемы людям «по мелочам». Будучи руководителем силового органа, он умудрялся проводить работу также и в рамках и в соответствии с чеченским образом жизни. Дядя был известен даже в Грузии, в приграничных с Чечено-Ингушетией районах, среди кистинцев и хевсур. Сказывалось воспитание моего деда Цики и старших братьев. Дед Цики, которого я помню хорошо, был классического вайнахского уклада человек — требовательный, очень строгий, его побаивались все в наших семьях. Боялись чем-то ему не угодить или сделать что-то не так. Редко улыбался. Но стоило оказаться ему среди себе подобных старцев, то менялся до неузнаваемости. Он даже шутил и смеялся в их кругу. Его дела и поступки, вместе с тем, отличались добротой и справедливостью. Ненавидел телевизор (с его слов, килгизар), радио. Он был убеждён, что там сплошной обман и власти специально дурачат и портят людей. (Как же был прав этот мой безграмотный дедушка!). Мы даже в сельский клуб для просмотра какого-нибудь детского или военного кинофильма не могли пойти, если об этом ему становилось известно. Но мы ходили тайком от него, так как родители нам не запрещали, но дедушка не считал за нормальных людей тех, кто ходит в «кулуб». Так он называл сельский клуб.

Эла был как врожденный офицер. Высокого роста, светловолосый, физически крепкий. У него было хорошо развито чувство юмора и он умел производить приятное впечатление на окружающих благодаря своему высокому интеллекту и аналитическому мышлению.

У него был свой стиль поведения и язык общения как с молодыми, так и со старейшими. С начальством общался как с равными и по-деловому и умел подчинять их своей воле. Любил самостоятельно принимать даже самые невероятные, но разумные решения, подчас, не имеющие ничего общего с советским образом жизни, но зато нормальные с точки зрения вай-

нахского уклада. И это не преувеличение. До сих пор, по прошествии не одного десятка лет, о нем ходят легенды. Ещё есть много живых людей, которые его помнят.

II

Кроме исполнения обычных функций, на Советский РОВД, как и на КГБ, была возложена и другая, особая функция — поимка или ликвидация Хасухи Магомадова, который ещё с начала 40-х г.г. абречествовал в этих горах. Ещё до убийства начальника Советского РО КГБ Салько Г. К. (1974г.), Хасуха по чеченским каналам обратился к Эли:

«-КІант (сыннок, уважительное обращение старшего к младшему у чеченцев), жители этих гор о тебе отзываются хорошо. До тебя были другие, значительно хуже, и некоторых из них мне и моим людям пришлось убить. Я тебя видел несколько раз. Ты был у меня даже на прицеле винтовки. Каким ты будешь в дальнейшем, покажет время. Мне от тебя не надо ничего, ни плохого, ни хорошего. Я доживаю свою жизнь. Прошу только об одном, „не переходи мне дорогу“ и не устраивай засады. Не заставляй меня проливать кровь. Ты ещё молод. Старайся, чтобы и твои люди не делали этого. Занимайтесь своей работой, а я вам мешать не буду. Я тоже за справедливость, но мы к ней идем разными путями».

Это обращение к дяде было сделано в устной форме и я его привёл в примерном содержании, воспроизведенном по памяти. Сразу после этого Эла приехал к моему отцу, как старшему брату, за советом. Я и мой брат Руслан случайно стали свидетелями их разговора. Отец строго-настрого запретил нам где-либо заикнуться об этом, даже родственникам. Иначе это может повредить карьере дяди. А потом отец нас удалил и они вдвоём о чем-то долго говорили.

Мы с братом ликовали. Как же, такой знаменитый абрек, который по легендарности не уступает самому Зелимхану, обратился к нашему дяде...

Все-таки это не осталось тайной. Вначале в Советском районе, а затем в Грозном и Надтеречном, люди уже шептались о том, что сам Хасуха обратился к Эли. Разумеется, информация пошла и выше.

Через некоторое время после описанного, в районный КГБ поступила информация о том, что Хасуха остановился на ночлег на хуторе недалеко от Шатоя. Из Грозного была вызвана ещё группа работников КГБ для поимки или ликвидации Хасухи. Не поставив в известность районное руководство и местную милицию, работники КГБ решили самостоятельно провести эту операцию.

С наступлением ночи группа выехала на место. «За лаврами», как потом рассказывал Эла.

В начале операции в окна дома закинули несколько шашек со слезоточивым газом «Черемуха». Операция проводилась при полной темноте. Дом был обесточен. Хасуха сначала выкинул через входную дверь на улицу скатанную бурку. Оперативники из всех стволов начали палить по этой бурке, очевидно, в темноте приняв его за Хасуху.

Сам Хасуха в этой суматохе выскочил в эти же двери, но при выходе столкнулся с начальником РО КГБ Георгием Салько. Последний был высокого роста, профессиональный спортсмен, что даже, по рассказам местных жителей, мог в спортзале на кольцах держать «крест». Хасуха имел массу тела, как минимум, раза в два меньше, чем Салько. Мгновенно обхватив его одной рукой, Хасуха, другой рукой вонзил ему кинжал в сердце. Хасуха побежал в сторону пропасти, при этом ему пришлось обойти стоявший автомобиль УАЗ, где сидели «в резерве» двое работников КГБ. Они удивленно и молча уставились на этого бегущего человека, не сумев даже понять, кто этот человек и откуда он здесь взялся...

Хасуха прыгнул через ограду в пропасть, успев при этом схватить конец молодого дерева для смягчения падения. Хасуха ушёл, Салько убит, а операция с позором провалена. По официальной же версии Салько был застрелен. Дежуривший в ту ночь в районной больнице врач, некто Эминов, дагестанец, по требованию работников КГБ составил справку о смерти Салько с диагнозом — огнестрельное ранение в область сердца.

Параллельно с уголовным расследованием убийства Салько, началось и служебное расследование с участием МВД и КГБ СССР. Эли «взяли в оборот», мол, «куда смотрела милиция».

Эла написал обширный рапорт, где изложил, что в нарушение всех существующих приказов и инструкций, КГБ не поставил в известность местный отдел милиции, в результате местность не была оцеплена, плюс непрофессиональные действия самих работников КГБ в этой ситуации.

Все это и послужило причиной произошедшего. Обком КПСС вместе с КГБ настаивали на освобождении от занимаемой должности начальника РОВД. Но этому воспротивился представитель МВД СССР из Москвы. Он не усмотрел в этом какую-либо причинно-следственную связь и доложил об этом в Москву. Москва стала на защиту начальника райотдела, несмотря на недовольство отдела административных органов обкома. Эла остался работать, но заимел недругов в республиканском руководстве. Необходимо добавить, что дядю тогда поддержал и министр внутренних дел республики. Ряд руководителей КГБ республики понесли служебные взыскания, кое-кого перевели по службе в другие регионы страны.

Хасуха

I

В 1976 г. я заканчивал срок службы в армии в Германии, в Потсдаме, когда получил письмо от брата, в котором он сухо, без комментариев (солдатские письма контролировались особистами) сообщил, что под Шатоем убит Хасуха Магомадов... Подробности я узнал значительно позже и случилось это так.

Эла после рабочего дня был приглашён на ужин к одному из знакомых в Шатое. Он, как начальник отдела, всегда ставил в известность о месте своего пребывания ответственного дежурного офицера РОВД даже в послерабочее время. Туда ему и позвонил дежурный и сообщил, что у с. А-Шерипово в ущелье обнаружен и заблокирован выехавшей опергруппой вооруженный человек. Эла дал команду собрать всех сотрудников отдела по тревоге. По штату в Советском РОВД числилось 36 человек аттестованных сотрудников, не считая вольнонаемных.

Это был самый малочисленный по штату отдел в самом большом по территории районе республики. Раздав сотрудникам все имевшиеся в наличии автоматы, пистолеты, каски, бронежилеты, выехали на место. Всего выехало до 15 человек. Несколько человек дополнительно остались на усилении в дежурной части отдела. Остальные были либо в отпуске, либо, на момент объявления тревоги, а это было уже вечером, в нерабочее время, их не оказалось дома. Также было сообщено о случившемся в МВД в Грозный, в прокуратуру и КГБ, как и положено по Инструкции. Уже было темно. Прибыв на место, работники райотдела оцепили местность, насколько это было возможно в горной местности с такими силами.

Эла несколько раз по-чеченски и по-русски обратился к заблокированному через мегафон, чтобы тот положил оружие и вышел из ущелья с поднятыми руками. Все только догадывались, что это может быть Хасуха, но точно ещё никто не мог знать. Вокруг заблокированной местности начали собираться местные жители, кто из сочувствия к окружённому, а кто из любопытства. Эти люди создавали помехи. Их неоднократно оттесняли, но все равно многие норовили подойти ближе и заглянуть в ущелье, хотя было темно и там невозможно что-либо рассмотреть. Вначале решили скатить туда горящую автопокрышку, но она зацепилась за куст и застряла. Кто-то из местных взялся её оттолкнуть ногой подальше, вглубь ущелья. Но Хасуха одним единственным выстрелом поразил его насмерть, очевидно, приняв за работника милиции. После этого один из работников РОВД выпустил длинную неприцельную автоматную очередь наугад, в сторону вспышки винтовочного выстрела. Не было никакой тщательно проведенной операции, не было никакого другого боя. Все произошло случайно, спонтанно.

Ближе к полуночи к месту происшествия начали подтягиваться поднятые по тревоге подразделения внутренних войск с бронетехникой, работники республиканского МВД, КГБ, прокуратуры, кинологи со служебными собаками. Но до наступления рассвета никто не решался спуститься в ущелье для прочески местности. Для обзора местности свет от горящих шин оказался недостаточным. Потом пустили служебную собаку, которая побыв на дне ущелья без шума, без лая вернулась обратно и начала жалобно скулить.

Было ясно, что в ущелье уже никого нет, по крайней мере нет кого-либо живого. С наступлением рассвета, одетые с головы до ног в броню, военнослужащие внутренних войск начали спускаться вниз и прочесывать местность и сразу же обнаружили убитого человека, лежащего на спине.

На фотографии, сделанной криминалистами на месте происшествия, почти сразу после обнаружения, Хасуха лежит на спине. Голова с полукрытым ртом запрокинута назад. Рядом

лежит винтовка. В землю воткнута рогатка из веток дерева, приспособленная, по всей видимости для того, чтобы можно было прицеливаться.

Хасуха был уже настолько слаб и стар, что ему было тяжело держать винтовку. Он даже не предпринял попытку уйти, как делал всегда ранее, тем более ночью. В условиях ночи и плохой видимости, он мог уйти без проблем по дну ущелья. Но он занял боевую позицию и решил принять бой.

На момент смерти ему был 71 год. При этом вес его составил 36 кг. Он был уже при смерти даже без этого последнего боя, который он принял осознанно, видимо не желая быть умершим в каком либо из своих укрытий и в неизвестности. Оказывается, незадолго до этого он сетовал кому-то о том, что он похоронил многих своих соратников, погибших в боях или умерших от ран и от старости. А он остался один и некому будет его хоронить, если вдруг умрет где-то в своём укрытии. Более того, никто об этом и знать не будет и что его тело может стать добычей зверей. О том, что в этот бой Хасуха вступил осознанно говорит и тот факт, что он был в чистой выстиранной, вплоть до нательного белья, одежде. Был чист и побрит... Так поступают люди, идущие на гІазот (смерть в священной войне). Случилось это 28 марта 1976 года.

Только две пули из длинной автоматной очереди поразили его в верхнюю правую лобную часть. Его откинуло назад. При этом он успел машинально, из-за пояса выхватить пистолет ТТ, но мгновенно умер в этой позе, сжимая в руке его рукоятку.

Пал последний воин гарнизона чеченской цитадели... Он ушёл победителем, пережив всех своих врагов.

Потом пошла раздача «лавров». Эла сделал все, что смог, чтобы не получить никакую награду за эту операцию. Он его и не получил. Он в рапорте подробно все расписал — что не было никакой оперативной информации, что все произошло случайно. От него же все начальство, включая министра, требовало написать о четко проведённой спецоперации, о проявленном мужестве работниками милиции и т. п. А в КГБ республики ему прямо предложили торг, мол, напиши рапорт, что это была совместная с КГБ операция и ему гарантирован высокий орден и плюс дальнейшая карьера. Дядя отказался.

Этому также предшествовал и семейный совет в Надтеречном с братьями и отцом (дед Цики в ту пору был ещё жив), на котором родственники (в узком кругу) постановили, не делать никаких спекуляций на смерти Хасухи, с тем, чтобы они могли людям (вайнахам) в глаза смотреть. И чтоб не жили с «черными лицами» (смысловое выражение, которое по-чеченски означает — жить будучи недостойными).

Вместо триумфа по случаю «победы» получился скандал, вызванный тем, что Эла в рапорте прямо указал, что кроме работников РОВД, представителей других спецслужб задействовано не было, хотя все были вовремя информированы. Из работников отдела был награждён орденом милиционер, который выпустил автоматную очередь. Тем не менее, награды получили многие вышестоящие начальники, которые вообще даже и не приезжали в Шатой. Эла об этом рассказывал как анекдот. Он неохотно и сухо отвечал знакомым на вопросы, связанные с ликвидацией Хасухи. И никогда не ставил себе в заслугу его ликвидацию.

Погибший в ту ночь житель с. А-Шерипово Чабдарханов Сайд-Селим был убит случайно. Он был в числе тех окрестных жителей, которые пришли понаблюдать за тем, как и чем все это завершится. Милиционеры, как положено, прибыв на место, первым делом оцепили его, заняли укрытия. А жители лезли на край ущелья, чтобы посмотреть, что там творится. Почти все милиционеры были из этих мест. Конечно же, жители поименно их знали и многие были их родственниками. Жителей отгоняли, а они лезли снова.

А все началось случайно. На окраине села, в вечернее время, малолетние дети увидели возле дороги вооруженного человека, который внезапно укрылся в кустах. Придя домой, кто-

то из них рассказал родителям, что они видели вооруженного человека, и который, судя по одежде, похож на «сүйли» (аварец).

Отец одного из детей, предположив, что видимо это какой-нибудь кровник устроил засаду и поджидает жертву, счёл благоразумным сообщить об этом участковому инспектору, который к тому же доводился ему и родственником. Тот, в свою очередь, сообщил дежурному по РОВД, который направил на место опергруппу, а дальше вы уже знаете. Все было предпринято. И каждый был прав по-своему.

Часто в интернете, больше на чеченских сайтах, приходится читать, что Хасуха, перед смертью, успел застрелить «дружинника» (общественный помощник милиции), «стукача» (тайный осведомитель), «комсомольца», предателя и пр. Какие-то комментарии от «осведомлённых» людей. Это все неправда. Чабдархановы мне не родственники. Но я их знаю. Они вполне достойные и уважаемые люди. Но на этих сплетнях надо ставить точку. Я знаю больше. Знают Чабдархановы. И знают многие жители Асланбек-Шерипово. И ещё живы некоторые бывшие работники Советского РОВД. Не надо чернить погибшего человека и его родственников в том, чего не было. В ту пору любой желающий мог иметь удостоверение дружинника. Это давало пару дней дополнительно к годовому отпуску. Других льгот я и не помню. «Стукачами» (тайные осведомители) дружинники не могли являться. На многие трудовые коллективы сверху спускались разнарядки, — столько-то человек или процентов должно быть дружинников. Это считалось «общественной работой».

Этот факт символизировал как бы неразрывную связь советской милиции с народом, хотя все понимали, что все это формальность. А на проведение спецопераций, подобных этой, привлечение дружинников или иных активистов, как комсомольцев, было даже запрещено.

Следует напомнить, что «комсомольцами», как и «пионерами» были чуть ли не 90 процентов всей советской молодежи. Вполне даже возможно, что погибшего записали задним числом в дружинники, чтобы семья смогла получить хоть какие-то дивиденды от государства...

II

— Запомни, — продолжал Эла, — КГБ будет стараться искать и на тебя компрометирующий материал, включая и твою личную жизнь, это специфика их работы. По работе тебе часто придётся с ними сталкиваться. Отношения с ними должны быть исключительно служебные, по работе. Старайся избегать с ними каких-либо личных контактов, совместных застолий и т. п. И ещё, на своей работе, чем ты честнее, тем сильнее, — тебе нечего бояться. Больше думай о карьере. Кто знает, может хоть у тебя получится добиться того, чего я не успел. А ведь я и наполовину не использовал своих возможностей. Мне усиленно не дали их использовать. И в основном я всегда среди своих начальников находил людей некомпетентных, а то и просто дураков или пьяниц.

В Советском РО КГБ по штату числятся всего трое кадровых (или аттестованных) работника. Остальной небольшой персонал — вольнонаемные, из местных жителей. Но сюда постоянно приезжают и крутятся работники республиканского аппарата КГБ и даже их коллеги из Москвы.

Забегая вперёд, и справедливости ради стоит отметить, что за три года моей работы в этом районе, те работники КГБ, которые тогда работали, никогда не создавали мне и моим коллегам проблем. Но и я старался не давать им или кому-либо еще повод найти что-либо против себя. Более того, они оказывали нашей службе всяческое содействие, обеспечивая подчас нужной информацией по конкретным лицам и материалам, связанным с нашей работой. Они пользовались достаточным доверием среди жителей, как не подверженный коррупции орган, тем более в условиях тотальной коррупции во всей партийно-советской системе.

Я спросил:

— А что делают в районе эти визитеры? — имея в виду приезжающих в РО КГБ их сотрудников.

— Делают свою работу. Ты же знаешь их функции? И охотятся.

— А что, так много работы у них здесь на 16,0 тысяч населения? А на охоту во время отпусков, наверное, приезжают?

— Да нет, не всегда. — многозначительно ответил Эла, — охотятся и во время службы, хотя иногда могут выехать на охоту и без охотничьего оружия.

— ?!

— Охота — это... иногда так, для видимости. Они в горах кое-что ищут. И ищут давно, начиная ещё с чуть ли не со времён до 2-й мировой войны.

— Что ищут?

— Какую-то замурованную пещеру.

Я рассмеялся, вспомнив про Али-Бабу и сорок разбойников из «Тысячи и одной ночи». (К пещере Али-Бабы мы ещё вернёмся, самым неожиданным образом).

— Наверное, от Шехерезады получили информацию про пещеру, но при этом забыли пароль, как её открыть. — вставил я.

— Нет. Будешь здесь работать, старайся не спрашивать про пещеру. Ну, а если от кого-то и услышишь про неё, если тебе интересно, то просто слушай, но ничего не комментируй. И старайся быть серьёзнее. Твоё детство кончилось. А работа у тебя будет серьёзная. — Эла не был настроен на шутку.

Я учёл замечание, но был заинтригован. Мне показалось, что он что-то недоговорил. Несомненно, он знал что-то больше.

— Но ты же все-таки восемь лет был здесь начальником милиции и хоть что-то конкретнее, может быть, знаешь? — спросил я. (У чеченцев и ингушей нет обращения на «вы»).

— Специально этой пещерой ни сам, ни через подчиненных не занимался. Не получал я также и никаких указаний по её поиску от вышестоящих. Если бы такое задание было, думаю, что нашёл бы. В крайнем случае узнал бы хоть что там есть. Этим занимается КГБ. Да и многие жители района, об этом не знают или знают понаслышке. Достоверно я знаю, что вход в пещеру давно закрыт. И, как мне рассказали, пророс деревьями и кустарниками, иначе давно нашли бы. Есть ещё не до конца достоверная информация, что ищут даже не одну, а две закрытые пещеры. А так в этих горах много пещер. Но для меня также остаётся загадкой — почему на поиск пещеры не ориентируется милиция?

— А где, в каком примерно месте ищут?

— Конкретной зоны поисков, как я понял, у них нет. Ищут почти от границы с Дагестаном, вдоль всей границы с Грузией и до самой Осетии, но ближе к зоне высокогорья, включая Галанчож, Нашах, Зумсой, Шарой, Хильдехарой и т. д. Скорее всего ещё в Ингушетии искали. Знают, что пещера должна быть, но не знают даже приблизительно где. Район поисков широкий, потому что информация каждый раз поступает противоречивая. Они через старожилов по крупицам стараются собрать сведения. Мне удалось кое-что выяснить. Есть очень узкий круг лиц среди чеченцев, которые знают, где она и что в ней есть. Они есть как бы хранители или смотрящие за этой пещерой. Но КГБ не может установить этих лиц. Те, кто знает, живут давно на плоскости, периодически навещаясь в горы в гости к родственникам. Ведь до депортации 1944 года в этих районах проживало чуть ли не до 120 000 человек, а сейчас — 16 000.

По моей информации сведения о пещере передаются из поколения в поколение ещё с глубокой древности, а хранители распространяют преднамеренно ложную информацию, чтобы запутать КГБ и нежелательных искателей. Есть ещё информация от одного уважаемого и серьезного человека, что бывший руководитель антисоветских повстанцев Хасан Исраилов нашёл пещеру и перепрыгав содержимое в другую пещеру закрыл его вход. Говорят, что даже в другой пещере, куда перенёс содержимое, он оборудовал тайник, найти который непосвященным, вряд ли возможно. Я этому человеку верю. Такой сочинять не будет. Но об этом не вздумай даже заикнуться когда-нибудь. И вообще, пещера — это не твоя проблема. Не углубляйся в эту тему. Ничего хорошего ни с какой стороны тебе это не сулит. Я знаю что говорю. Больше занимайся своей работой — сказал Эла, а потом продолжил:

— После Хасухи я был рекомендован МВД СССР на должность заместителя министра МВД республики. Правда, инициаторами были мои бывшие однокашники по Академии МВД. Двое из них работают в Москве, в МВД, один уже генерал. Республиканский министр тоже был не против моего выдвижения. Меня вызвали в Москву в Главное Управление кадрами, провели собеседование и чуть ли не поздравляли с назначением на должность. Оставалось получить согласие от отдела административных органов обкома КПСС в Грозном. Во всех регионах СССР это делается формально. Но иная ситуация в Чечено-Ингушетии. Обком был возмущён, мол, да как такое возможно. Без их ведома выбрали кандидата, чеченца. И пошли звонки в Москву. К обкому подключился КГБ республики, заявляя, что они категорически против.

Под нажимом местных властей Москва вынуждена была уступить. Но обком сразу согласился, когда на должность заместителя министра прислали другую, никому неизвестную кандидатуру из другого региона.

Сейчас, по прошествии времени, я, кажется, догадываюсь, в чем была истинная причина того, почему КГБ с обкомом были против дяди. И Хасуха, похоже, был тому не единственной причиной.

Отец

I

1964 год. Я заканчиваю второй класс в Элин-Юрте Надтеречного района. Жили мы на окраине села, недалеко от конторы животноводческого совхоза «Гвардейский». После окончания Астраханской совпартшколы отца назначили парторгом в этот совхоз. Я ходил в начальную школу, которая располагалась в небольшом здании метрах трехстах от нашего дома.

Придя как-то со школы домой, я увидел, что у дома стоят незнакомые автомашины. Во дворе милиционеры. Вхожу в дом. Мать сидит на стуле с покрасневшими заплаканными глазами. Рядом с ней младшая сестра Тамара (мы в семье её называем Медной). Старший брат Руслан и сестра Шема учились в средней школе во второй смене, поэтому их не было дома.

Я спросил у матери, кто эти люди и что они у нас ищут. Мать сухо ответила:

— Молчи, не спрашивай ни о чем. Это КГБ.

Я не знал, что такое КГБ. Но, судя по интонации матери я понял, что это что-то нехорошее. В поведении и разговоре этих людей было нечто недружеское.

— А дада (отец) где? — спросил я опять по-чеченски, надеясь, что после его прихода домой эти люди не будут хозяйничать в нашем доме. Услышав мой вопрос матери, все присутствующие внимательно посмотрели в нашу сторону. Я даже испугался. Но мать быстро отрезала:

— Не знаю, молчи! Иди лучше на улицу, поиграй.

Это был обыск. Вечером опять пришли милиционеры. Искали отца. Ночевать домой отец не пришёл. Его не было несколько дней. Милиционеры наведывались каждый день. Смотрели во всех помещениях, в сарае, на чердаке. Мы, дети, многого не понимали. Приезжали дяди, другие родственники. Все были озабочены.

Отец объявился через несколько дней. Уверенный в себе, довольный и первые его слова были:

— Все хорошо уладилось.

По моим детским впечатлениям семейное тепло и радость вернулись в дом. Всех родственников отец предупредил, — нигде и никому не комментировать случившееся и на всякие вопросы посторонних отвечать: «Не знаю». По его мнению, так быстрее забудется эта история, а иначе неприятности могут продолжиться.

Значительно позже я узнал, что именно тогда произошло.

Все случилось чуть ли не с утра. В тот день в конторе совхоза была обычная разнарядка в кабинете у директора Саракаева Умара. Родом он из Ведено. Мы жили в Элин-Юрте по соседству и дружили семьями. После разнарядки специалисты совхоза разъехались по бригадам и фермам. Куда-то выехал и директор. В конторе оставались лишь служащие: бухгалтера, экономисты, инженеры, кадровик и мой отец. В контору вошёл начальник Наурского РО КГБ. Его водитель остался в машине. Несмотря на утреннее время, начальник КГБ был выпивший. По покрасневшим глазам видно было, что до этого он провёл бессонную ночь с застольем. КГБ тогда располагался за Терекон в станице Наурской и этот отдел «обслуживал» два района.

Узнав, что директора нет на месте, он поинтересовался, кто ещё из руководства совхоза на месте. Узнав, что на месте парторг, он зашёл к отцу.

Со слов отца, от этого человека сильно разило алкоголем, был он злой. Не поздоровавшись, с порога, повышенным тоном спросил:

— Чем вы тут занимаетесь?!

Отец его видел впервые и, в свою очередь, спросил:

— А ты сам кто такой?

— Во-первых, не ты, а — вы. Это ты своим будешь тыкать. Во-вторых, я — начальник КГБ... А кто тебя назначил сюда парторгом?

Отец, видя, что этот человек не совсем вменяемый, не желая провоцировать скандал, прикрыл за ним дверь и обратился к нему:

— Сначала — садись, — и указал на стул. И прошу, пожалуйста, не надо здесь кричать. В конторе — служащие, женщины. Они все слышат. В чем проблема и что нужно?

Но визитёр уже разошёлся. Слово за слово, возникла перебранка. Шокированные конторские служащие вышли из кабинетов в коридор и слышали весь диалог. Начальника КГБ разнесло. Наконец он разразился тирадой (со слов отца и свидетелей):

— Вас слишком рано вернули из Казахстана! Вас там надо было ещё больше держать, на перевоспитании! А то, понимаешь, приехали!.. Но ничего, мы вас теперь заставим уважать советскую власть!..

Оказывается, накануне, в Москве произошло смещение с должности 1-го секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева. Причём его смещали при участии и, в том числе 1-го секретаря Чечено-Ингушского обкома партии. Что касается этого участия, то обком партии был зол на Хрущёва за восстановление автономии и возвращение на родину чеченцев и ингушей. По всему было видно, что начальник КГБ отмечал это событие где-то в Грозном и на пути в Наурскую, на радостях, решил напомнить о себе в Надтеречном районе, тем более, что этот район тоже являлся ему подконтрольным.

Отец не был профессиональным спортсменом — в молодости у него не было времени для занятий спортом. Ему было 17 лет, и он был старшим из шестерых братьев и сестёр при выселении в 1944 году. На него и деда легла основная тяжесть в труде и поиске хлеба, чтобы младшие не умерли с голода. Но первых двоих дочерей отцу пришлось похоронить там и я их, сестёр, не видел, я позже родился. Отец был нормального телосложения, красивый. У него были крупные белые зубы, которые все до единого сохранились до конца жизни. Он не мыл зубы порошком или пастой, а только солью. Густые волнистые волосы и совершенно не было лысины (в отличие от меня). Один только его внешний вид располагал к деловитости. Мать всю жизнь его ревновала...

...Ударом кулака в лицо, отец свалил на пол распоясавшегося начальника КГБ. Тот вскочил и кинулся к двери, пытаясь выскочить из кабинета. Отец его опередил, схватил и ударил лицом об стену. Потом закрыл ключом двери изнутри, чтобы он не выскочил и чтобы никто не вошёл и начал дальше его избивать.

Тем временем, конторские служащие подняли шум и, безуспешно пытаясь открыть двери, кричали отцу:

— Али! Успокойся! Пожалуйста, оставь его. Он же пьяный, не делай глупостей!

Конторские служащие, по совету уборщицы, побежали во внутренний двор в сад и оттуда через открытые окна проникли в кабинет и оттащили отца от стола, под которым находился визитёр, который невнятно, через разбитые нос и губы пытался что-то говорить. Его водитель все это время крепко спал в машине. Видимо, что тоже с шефом провёл бессонную ночь. И стоило больших усилий, чтобы его разбудить. Когда он проснулся, то вначале никак, говорят, не мог понять, где он находится и чего от него хотят эти люди. Наконец, пришёл в себя и быстро повёз шефа в больницу.

Коллеги вывели отца не домой, а к кому-то из знакомых, чтобы его не могли арестовать, хотя бы до прихода директора совхоза.

Саракаев Умар, узнав обо всем, порекомендовал ему ни в коем случае не попадаться в руки милиции, иначе трудно будет ему помочь. Он предоставил отцу свой служебный автомобиль с водителем, для выезда в Грозный. В тот же вечер отец в Грозном встретился с Висаитовым Мовлидом, односельчанином, который во время войны был командиром Чечено-Ингуш-

ского кавалерийского полка. В 1945 году со своим полком он первым из советской армии вышел на Эльбе к американцам, за что и был удостоен высшей награды США «Легион почета». Местные власти Висаитова недолюбливали и побаивались, даже физически. Висаитов был прямолинейным человеком очень крутого нрава. Он имел хорошие связи с генералитетом вооруженных сил и через них мог иметь выход и к нужным людям в Москве.

Отец в эти дни жил в Грозном у родственников, а Висаитов развернул бурную деятельность по его защите. Он по каким-то своим каналам быстро успел сообщить об этом факте в Москву, опередив обком партии. И это сыграло свою позитивную роль.

Тем временем, весть о случившемся быстро разнеслась по району и республике. Среди чечено-ингушской элиты отец прослыл героем. Каждый, как мог, старался ему помочь. Отца спасло главным образом то, что начальник КГБ был выпивший. Родственники отца воевали против фашизма и есть геройски погибшие, как свидетельствовал за отца Висаитов. В-третьих, отец — молодой специалист, коммунист, закончил совпартшколу, где был охарактеризован блестяще. И дело приняло такой оборот, что виноватым (и битым) оказался начальник КГБ, который «проявил шовинизм по отношению к молодому специалисту коренной национальности в начинающей возрождаться республике». И это был вердикт не местного обкома, а из Москвы.

Начальника КГБ освободили от должности и по службе перевели куда-то в Грозный. В отношении отца уголовное дело прекратили, но освободили от занимаемой должности и объявили строгий выговор по партийной линии (за рукоприкладство). Назначили работать управляющим отделением в другой совхоз. Через недолгое время его, ещё имевшего партийное взыскание, назначили директором в винодельческий совхоз «Озёрный». Это было почти невозможно, но отцу сильно помогли в Грозном. Главное решение в этом принял директор объединения «Грозвино» Сагаев Ш. Т. При содействии Висаитова М. и ответственных работников в республиканском руководстве Плиева и Русина. Последний здесь вырос и свободно говорил на чеченском. Сделано это было «демонстративно». Не надо забывать, что в республике всегда шла закулисная, скрытная «война» чечено-ингушской элиты с партийным руководством республики.

В бытность отца директором, совхоз достиг высоких экономических показателей в районе.

Примерно через пару лет, как отец работал, в одно утро в контору совхоза нагрянули работники КГБ с кучей «неподкупных» ревизоров из Грозного. Говорили, что отбором ревизоров также занимались сами работники КГБ. Среди ревизоров не было ни одного этнического чеченца. Опечатали бухгалтерию, все кабинеты, архивные и подсобные помещения, склады. Одновременно подключили к проверке республиканский ОБХСС (не доверив местной, районной службе). Примерно две недели работа совхоза была парализована этой проверкой. Везде провели инвентаризации. Была проведена внеплановая документально-бухгалтерская ревизия. Как стало известно отцу, КГБ накопил на него «много криминальной информации». И было решено изобличить отца во всем этом. Под конец, на складах и бригадах были пересчитаны даже метла, грабли, вилы и лопаты. В итоге — недостачи нет и нет ничего криминального. «Криминальная информация» не нашла подтверждения. Отец проверяющих высмеял сначала на общем собрании работников совхоза, а затем и на собрании партактива в райкоме КПСС.

II

Я ходил в школу в Бено-Юрте. Классным руководителем и учительницей по ботанике у меня была русская Фаина Матвеевна Завгаева, жена будущего главы республики Доку Завгаева. Сам Доку работал главным инженером в районном объединении «Сельхозтехника» и дружил с отцом. А его брат Ахмар работал в совхозе трактористом. Ахмар часто сажал меня на колени и катал в своём тракторе. Я запомнил Фаину Матвеевну очень спокойной, доброй и красивой учительницей. Я у неё был отличником. И она никогда не повышала голос даже на самых непоседливых и нерадивых учеников. В моей детской памяти о ней остались только теплые воспоминания...

Проверками в совхозе дела не закончились. Первым секретарём Надтеречного райкома партии был некто Пожидаев (из наурских казаков). Он вызвал к себе отца и прямо, без намеков, доверительно сказал ему, что он им доволен, не имеет к нему никаких претензий, но что на него настойчиво «давят сверху» и требуют, чтобы отца убрали с этой должности.

Летом 1967 года отец по собственному желанию уволился с этой должности и перешёл работать в совхоз «Надтеречный» на должность управляющего отделением. «Чтобы немного отдохнуть от этих интриганов», — как он выразился. В том же году я пошёл в шестой класс в родном селе Лаха Нойре. А вместо уволившегося отца в этот же совхоз «Озёрный» был назначен директором упомянутый нами герой войны Висаитов Мовлид. А перед этим обкомом партии совместно с КГБ была разыграна спецоперация в отношении Висаитова по его дискредитации... Все эти «игры» исходили из обкома партии.

Пока отец ему сдавал совхоз, Висаитов жил у нас. По вечерам они с отцом после ужина у телевизора за чаем долго беседовали. Я многое из содержания их разговоров не понимал. Всегда ждал от Мовлида рассказов про войну и боевые действия. Но обратил внимание, что они говорили только про современные чеченские проблемы, про выселение, про Сталина.

Отец не был заядлым охотником, но в один из свободных дней мы с ним взяли ружьё, патроны, немного еды и пошли в лес. Не столько охотиться, сколько «побродить по осеннему лесу», как заметил отец. Как только мы вышли из села, направляясь к лесу, отец передал мне ружьё. Я его с удовольствием повесил на плечо, дулом вверх. Отец сделал замечание.

— Чеченцы не носят оружие дулом вверх. Запомни это.

— А почему? Это что, так важно? — удивился я.

— Все звери — это есть Иалам (природа — чеч.). В отличие от зверей люди наделены умом и придумали оружие. В этом люди их превосходят. Когда человек несёт ружьё дулом вверх, то в этом есть гордыня. Нельзя идти на охоту и убивать зверей ради развлечения. Нельзя нести поднятую вверх на плече косу, вилы, лопату. Их надо нести в опущенной руке и древком вперёд. Ведь с этим инвентарем человек хочет получить пользу для себя от Природы. А Природу Всевышний создал на благо человеку и её надо беречь и уважать. И брать от неё ровно столько, сколько необходимо. Так всегда говорили старшие. В Судный день будет спрос за каждого без надобности ради развлечения убитого зверя и сломанное дерево.

Тогда я об этом услышал впервые и запомнил на всю жизнь. И при случае стараюсь напоминать молодым.

Чечено-Ингушетия в СССР была единственным регионом, где на должность руководителя республики, председателя КГБ, прокурора республики, министра МВД и другие некоторые ключевые должности не назначался кто-либо из чеченцев или ингушей. До начала «перестройки» в республике была ещё масса должностей, на которые был установлен запрет для коренных жителей. Не назначались из коренных жителей руководители высших учебных заведений, директора многих заводов, руководители городских районов республики. За этим следили очень строго. А программа обучения строго фильтровалась. Особенно жестко контро-

лировались любые научные работы, связанные с историей Чечено-Ингушетии. В некоторые высшие учебные заведения страны также был закрыт доступ лицам чечено-ингушской национальности.

Впрочем, подобные запреты существовали и в отношении некоторых других этносов. В лучшем случае дипломированных специалистов из коренных национальностей назначали на должность заместителя какого-либо предприятия, но при этом этот назначенец должен был заплатить ещё и крупную взятку. Мол, для него его тайп «скинется». И действительно, некоторые тейпы (правда, далеко не все) имели тайные тайповые кассы для проталкивания своих людей во властные структуры. Они известны в республике. Об этом прекрасно были осведомлены и контролирующие структуры, включая прокуратуру и КГБ.

Много будущих абитуриентов и лучших специалистов из числа чеченцев уезжали в другие регионы. Справедливости ради стоит отметить, что в других регионах России меньше было такой дискриминации по отношению к ним. На Урале, в Сибири, на Севере, в Нечерноземье, в Казахстане и др. местах работали чеченцы и добивались известности и популярности.

Республиканская верхушка любила постоянно докладывать в Москву о том, в каких «тяжелых условиях» и с очень «трудными людьми» им приходится работать. Однако никто из этой номенклатуры не желал уезжать из республики и после выхода на пенсию. Кому-то может показаться невероятным, но чеченцы и ингуши были, без преувеличения, чуть ли не самыми законопослушными людьми на территории СССР, после, наверное, прибалтийцев. Правда, при этом не было раболепия перед начальством. У чеченцев сильно развито понятие справедливости, достоинства и чести. И они болезненно и остро реагируют на нарушение именно этих норм. Им далеко не был чужд и национализм. С того времени, как они подпали под власть царизма и тем более под советскую власть, они никогда не чувствовали справедливость и честность от этих властей.

Не было ни одного наместника, руководителя области, начальника участка, руководителя правоохранительной структуры, которые бы здесь пытались вершить справедливость. Эти руководители творили произвол и беззаконие здесь более, чем в других регионах. И было среди них мало чиновников, которые держали бы слово.

Конечно же, это тлетворное влияние сказывалось и на самих чеченцах. В этих условиях, на протяжении около 200 лет после поражения в войне с Россией имама Шейха-Мансура, значительная часть тех, кто работали в царской, а позже в советской администрации оказались подвержены тем же порокам. А «несогласные» объявлялись «врагами народа» и подвергались репрессиям. Последствия этого «воспитания» мы ощущаем и сегодня.

Властей всегда тревожила самобытность чеченцев. Это продолжается и сейчас. Минимальная люмпен-преступность, высокая самобытная культура населения, богатые рынки и изобилие продуктов с доступными для всех категорий граждан ценами, добротные дома, красиво одетые люди. Такого почти не было нигде в СССР. Правда, примерно близко к этому была ситуация в республиках Закавказья. В основном, люди жили за счет индивидуального хозяйства.

Чеченцы бережливы и предприимчивы по природе. Жизнь видимо научила, но вместе с тем любят и ценят щедрость там, где она необходима.

О коррупции в республике в Москве хорошо знали. Оттуда постоянно приезжали различные проверяющие, какие-то ведомственные кураторы и прочие «важные персоны». Они очень любили сюда приезжать, потому что уезжали «довольные». И по приезду в Москву чернили коренное население, называя националистами, наиболее сильно подверженными «пережиткам прошлого» и всячески старались выгораживать своих назначенцев.

Чеченцы считают для себя позором кому-либо жаловаться. Это считается признаком слабости. И это качество прочно укрепилось в их менталитете. И этим успешно пользовались мздоимцы во все времена. Чечено-Ингушетия была настоящей кормушкой для коррупционе-

ров, начиная ещё со времён имама Шамиля. Первые мздоимцы появились в Чечне именно с появлением шамилевской администрации. Со времени, когда Шамиль, укрепившись и войдя в свою роль, стал назначать администраторами своих «голодных наместников» из своего окружения. На чеченской земле и по их законам подобное, например, при имаме Шейхе-Мансуре или Гази-Магомед было бы недопустимо. (Имам Гази-Магомед был аварец, но известен как более бескорыстный и бесстрашный). Это отторгало часть чеченцев от борьбы с русскими, но, с другой стороны, варварские методы ведения войны со стороны русских при «покорении Кавказа», заставляли местное население искать более организованную систему защиты. Таковым являлся Имамат. Да к тому же и под исламским знаменем. То, что творили царские войска и казаки, было значительно хуже и поэтому из двух зол выбирали меньшее.

Участник Кавказской войны русский генерал Пассек в своих Записках писал: *«Чеченцы не имеют истинного уважения к Шамилю, большая часть знает, что он не проникнут святостью, как Гази-Магомед и не имеет отважности его, но не исполнить приказания Шамиля кажется неестественным»...*

И столица Имамата всегда была в Чечне — Дарго, Ведено. Кто знает, сколько бы ещё могла длиться Кавказская война и чем бы она закончилась, если бы имамат не был заражён коррупцией. Многие знаменитые чеченские наибы (в моей родословной, по отцу и по матери, предки были наибами) уходили от Шамиля, не выдержав его коррумпированную администрацию, интриганство, доносительство, избирательность судебных (шариатских) наказаний, некоторые из которых вершились вовсе даже не по шариату. От него также уходили по тем же причинам и дагестанские наибы. (Одним из таких, например, был и небезызвестный Хаджи-Мурат). Шамиль ввёл то, что всегда было чуждо чеченскому обществу — телесные наказания. У чеченцев до этого во все времена были три вида наказания за какой-либо проступок. Во-первых, кровная месть за убийство. Во-вторых, материальное наказание. Оно следует лишь после того, как потерпевшая сторона пошла на примирение. За потерпевшей стороной оставалось право прощения и отказ от выкупа.

При прощении кровника, в большинстве случаев, чеченцы отказывались и от выкупа. Мол, жизнь нашего человека не может быть измерена земными ценностями. Но иногда соглашались, с учётом материального состояния виновной или потерпевшей стороны. В-третьих, изгнание из общества.

Это тоже была форма прощения, но, как правило, без получения выкупа. Кровная месть осуществлялась не так часто, как принято считать. Если убийство было совершено в честном поединке, один на один и с одинаковым оружием, то это давало больше шансов на примирение, не говоря уже о случайном, непредумышленном убийстве.

Издавна, при возникновении ссоры, готовой перейти в драку, когда все меры по её недопущению исчерпаны или обида перешла границы дозволенного, чеченцы (и не только они) в первую очередь произносят: «Ты согласен один на один?». Смысл этого выражения для чеченцев имеет значение не только как честно померяться силой и отвагой, но и выражается ещё и в том, что в случае, когда с кем либо из конфликтной стороны случится что-либо (смерть или увечье), то в дальнейшем вражда не должна переходить на их родственников или потомков. Но процедуру примирения при этом, с участием представителей нейтральных тейпов, необходимо соблюсти в любом случае.

Если же убийство было совершено из засады или если удар был нанесён сзади, то это практически не давало шансов на примирение и прощение с потерпевшей стороны. Не было на это шансов и в отношении того, кто умышленно убил женщину или ребёнка. Более того, за убитую женщину или ребёнка потерпевшая сторона имела право на ответное убийство двух человек с виновной стороны.

Читатель может заподозрить меня в русофобии по содержанию того, что я изложу ниже. Я обещал писать объективно, ничего не умаляя, не приукрашивая. Факты, которые я описываю

далеки от русофобии, это — чеченофобия. И это — если хотите, советская действительность. И вряд ли найдётся кто-либо, который смог бы опровергнуть то, о чем я здесь пишу.

Грозный — столица Чечено-Ингушетии. Здесь не было ни одной общеобразовательной школы, где бы преподавался чеченский или ингушский язык. Конечно, коренные жители были этим недовольны. Недовольство не только по этому поводу, но и по многим другим дискриминационным фактам зрело и накапливалось постоянно, а местными властями это недовольство преподносилось «приверженностью пережиткам прошлого и национализмом». Сами русские, за редкими исключениями, не знали язык коренного населения и не старались его учить. Было значительно больше, к примеру, дагестанцев, армян, осетин и евреев, говоривших на чеченском языке. В сельских же школах, где преобладало коренное население, родной язык и литература преподавались по одному уроку (по 45 минут каждый) в неделю (!). Такие были установки сверху. В соответствии с той самой «мудрой национальной политикой партии». Эта «сверхмудрость», в конце концов, и погубила этот режим. Когда режим «пошатнулся», в национальных республиках и некоторых автономиях люди его не поддержали.

Часто в Грозном возникали скандалы в общественных местах, в очередях у торговых точек (очереди — это один из неотъемлемых и важнейших повседневных элементов советского образа жизни), в городском транспорте, по поводу того, что «некультурно разговаривать в общественном месте на языке, непонятном для всех окружающих». Жителям Грозного, не чеченцам, не нравилось, когда в общественном месте начинали говорить на чеченском

Основными инициаторами подобного «народного возмущения» являлись, как правило, увешанные медалями и орденскими планками (их носили часто и на повседневной одежде, а не только по праздникам), ветераны партии, пенсионеры НКВД, КГБ, МВД и т. д. Инициаторами скандалов также выступали и женщины, которые возмущались смелее, так как они знали, что чеченцы не применяют к ним физическое насилие. Мужчины и молодежь из числа не чеченцев на это не решалась. Ответ мог быть более жестким. В ответ такие «возмутители» получали фразы: «Не довольны?! Кто вас звал сюда?! Езжайте в свою Россию!». Понятие «дружба народов» существовало только для средств массовой информации, партийных съездов и конференций и учебников по образованию. Справедливости ради стоит отметить, что на бытовом уровне межнациональные отношения, тем не менее, складывались намного лучше.

Обитавшее в республике некоренное население вначале было очень недовольно восставлением национальной автономии. Также были недовольны и часть жителей соседних областей и республик. В 1958 году в Грозном даже вспыхнули массовые беспорядки по этому поводу. Были попытки чеченских погромов. Но чеченцы, привыкшие их отражать в местах высылки и более занятые своим обустройством после возвращения домой, на это даже не обратили внимания.

Беспорядки подавили силами войск и милиции. Были жертвы, судебные процессы. А потом смирились. За тринадцать лет отсутствия чеченцев и ингушей, боясь, что эта же участь может постигнуть и их, даже представители некоторых соседних народов через СМИ, на различных собраниях в коллективах, в учебных заведениях занимались клеветой и очернительством чеченцев, писали коллективные письма в Кремль, Сталину о том, какое «мудрое и правильное решение» он принял, выселив этих «бандитов и предателей». Некоторые зашли настолько далеко, что устраивали массовые танцевально-развлекательные мероприятия в честь выселения чеченцев и ингушей. В унисон им запели дифирамбы ученые, поэты, писатели и прочие местные «интеллигенты». Наиболее рьяные начали сочинять стихи по этому поводу. В моей домашней библиотеке сохранилась одна такая небольшая книжка Расула Гамзатова — «Стихи о Сталине». А теперь им приходится все это опровергать, либо отвечать на неприятные вопросы и претензии соседей. Скорее, здесь можно вести речь о массовом раболепии перед властями.

Я на всю жизнь запомнил один рядовой эпизод из далекого детства, незадолго после возвращения на родину. Осень 1960 года. Отец в это время учился в Астраханской совпартшколе. Один год после его отъезда мы жили в Лаха Нойре без него. Потом отец решил забрать всю семью в Астрахань. Перед отъездом мы с матерью поехали в Северную Осетию — Моздок, чтобы там, на рынке купить что-нибудь из одежды, так как этот город был для нас территориально ближе чем Грозный. Сделав покупки, на попутном транспорте доехали до поворота дороги, ведущей в сторону Надтеречного района. Мы стояли на развилке дорог на окраине Моздока. Там же стояла женщина и один старик. Все — чеченцы. Подъехала грузовая автомашина из Моздока, притормозила. В кузове грузовика было много людей — мужчин и все начали выкрикивать ругательства и оскорбления в наш адрес, многих слов я, конечно и не понимал.

Мать подняла голову, сложила руки на груди и безглаголиво повернулась к ним спиной. Старик-чеченец, облокотившись на палку, начал ухмыляться и качать головой. Затем вытащил из кармана большой складной нож и принялся им строгать эту палку. Это был вызов, который имел смысл, мол, подходите, кто смелый. Машина тронулась дальше, в сторону Терского хребта, в направлении города Орджоникидзе (ныне Владикавказ). Основным пассажирским транспортным средством в то время был грузовой. Автобусов в сельской местности почти не было.

Я спросил у матери:

— Почему эти люди такие злые?

— Они нас не любят.

— А почему?

— А потому что мы лучше их. Завидуют. Но тебе не надо их бояться. Они очень трусливые, и если бы сейчас с нами стоял твой отец, они побоялись бы слово пикнуть.

— Но их же много, а что, дада такой сильный? — восхищенно спросил я.

— Конечно.

В разговор вмешался старик. С его слов, этих людей он видел на рынке, они выпивали ещё там и сейчас едут в Орджоникидзе, на футбол. На рынке они себя так не вели, — там много чеченцев. Он спросил у матери, чья она, откуда и какого тайпа.

Узнав эти подробности, старик похвалил её тем, что у неё хорошее происхождение и что правильно и умно воспитывает ребёнка. Признаюсь, что некоторые детали этого эпизода мне потом напомнила мать. Но эти злые, орущие и раскрасневшиеся лица ещё с того времени врезались в мою детскую память.

Выше я описал, что творили в республике представители партноменклатуры и административных органов, уже потомки бывших сталинских энкеведешных и партийных чиновников или из числа назначенных и присланных в республику на «кормление». Особо от них не отставали и некоторые местные назначенцы. Но в республике, в основном в Грозном и в станциях также проживала значительная часть из числа русских и представителей других этносов: евреи, армяне, греки, украинцы, представители других северокавказских народов. В большинстве они были обыкновенные трудяги и хорошие специалисты.

В основном они были заняты на объектах нефтедобычи и нефтепереработки, в коммунальном секторе. Много было русских учителей в школах, врачей, преподавателей в учебных заведениях и т. д. Они уживались с вайнахами во всех коллективах и по месту жительства без проблем. В отличие от своих собратьев в других регионах России, они меньше пьянствовали, меньше сквернословили. Они много положительных элементов жизни переняли у местных.

И в последующем, за пределами республики, даже на службе в армии, многие молодые люди из их числа представлялись чеченцами. Сами чеченцы за это их не упрекали, им это нравилось и их поддерживали как земляков.

У обкома партии была своя строгая неписаная (писаная, но, видимо, под грифом) стратегия, всячески ограничивать назначение на высокие должности чеченцев, которые имеют авторитет и уважение среди народа. Именно по этой причине устраивались всевозможные провокации по дискредитации таких лиц. Спецслужбы по заданию обкома постоянно нацеливались на поиск и сбор компрометирующих этих лиц информации. А если это не представлялось возможным, то начинали «копаться» в его генеалогии, чуть ли не до седьмого колена, как говорят чеченцы.

И часто это, при отсутствии других зацепок, являлось «причиной» для того, чтобы срубить карьеру какому-либо зарвавшемуся таланту. Например, если у представителя коренной национальности, работающего в милиции или в других партийно-советских структурах, кто-либо из членов его семьи или семьи его супруги (супруга) в прошлом имел судимость, даже если она была погашена за давностью, то полностью прекращалось его продвижение по службе. Его не направляли на учебу, не присваивали очередное звание и не выдвигали вверх по должности.

Человека ставили в такие условия, что он вынужден был давать крупную взятку или уходить с государственной службы. А этот негатив переходил и на его детей. Такого не было нигде в СССР, только в Чечено-Ингушетии. Такова краткая картина общественно-политической ситуации в республике.

III

По приезде в Советское (Шатой), Эла повёл меня сначала в райком, райисполком, а потом уже в РОВД. Везде был радушный приём. Каждый приглашал нас домой, в гости. Районное начальство и многие мои будущие коллеги раньше работали с Эли. Он их попросил:

— Это мой племянник. Он хотел работать в городе, но его распределили сюда. Он ещё молод, постарайтесь уж как-нибудь помочь ему освоиться на работе.

Приём в РОВД был радушным, превзойдя все мои ожидания. Мне сразу определили кабинет, место жительства, в частном доме, у одной одиноко живущей, почти 90-летней женщины из тайпа Хачарой, Маслаат. В этом же доме несколько лет проживал мой коллега предшественник Абдул. У Маслаат не было в живых никого из близких. Всех родных потеряла в Казахстане. И я, впрочем, как и Абдул до меня, в дальнейшем стал ей как родной сын.

Конечно же, офицеры отдела в тот же вечер организовали ужин в мою честь в доме у старшего инспектора уголовного розыска Закриева Вахида. Со следующего дня я окунулся в работу. Особенно был рад моему назначению мой упомянутый коллега Чокаев Абдул из Гойты. Но ему ещё несколько месяцев пришлось поработать со мной вместе из-за бюрократических проволочек в отделе кадров МВД по его переводу в другой район. Он здесь проработал уже 5 лет и давно просил руководство перевести его в другой плоскостный район республики. Работать в горах считалось чуть ли не как наказание или тяжкая повинность. Работой он был завален, потому что был один.

Для меня было удивительно, как он вообще один справлялся с этой работой в этих условиях. Мне ещё повезло в том, что он задержался с переводом. Он более детально и лучше чем кто-либо ввёл меня в курс дел по работе. Разумеется, не упустил я возможность поинтересоваться у него о том, почему КГБ ищет какую-то пещеру. Он об этом был осведомлён давно, но для него это также оставалось загадкой. Также был наслышан об уране, сокровищах и немецком оружии, якобы спрятанном ещё со времён войны.

— Но, Абдул, в этих горах нет уранового месторождения. Можешь в этом даже не сомневаться. А поиск оружия, пусть даже спрятанного в пещере, — то это функциональная обязанность не только КГБ, но и МВД. И в первую очередь на его поиски должны были быть ориентированы работники милиции. Там что-то другое.

— Похоже, что так, Аслан. А ты знаешь? — добавил он. — Я ведь спрашивал об этом начальника КГБ. Так он мне по-дружески посоветовал, не лезть не в свои дела. Наверное, там нет ничего серьезного, обычно в КГБ любят сгущать краски.

Мне уже было не до пещеры, и о ней я уже почти начал забывать. На выходной день периодически уезжал к родителям в Лаха Нойре. Иногда по пути заезжал к Эли в Грозный, рассказывал ему о последних новостях из Шатоя. И как-то я у него спросил:

— Эла, и все-таки по твоей интуиции, что может быть в этой пещере?

— Была информация, что в этой пещере урановое месторождение, я начал перепроверять и выяснилось, что её запустили сами КГБ-шники, чтобы отпугнуть людей от поисков, если таковые будут. Ведь никто не захочет быть облученным.

То, что в наших горах урана нет я знал ещё с учебы в нефтяном техникуме. Кавказские горы — геологически молодые горы. И даже, если бы был уран, то зачем его искать в пещере? Достаточно обследовать геофизическими приборами предполагаемую территорию и никакую пещеру в этом случае искать не надо.

Ещё до армии я закончил нефтяной техникум по специальности «геофизика». Я там проучился почти 4 года и в течение двух лет мы хорошо изучили предмет «урановые руды и месторождения.» Предполагалось, что кому-то из выпускников придется работать и в этой отрасли.

И мне были известны уранодобывающие регионы СССР и некоторая специфика, связанная с их поисками и переработкой.

Эла продолжил:

— Я же тебе рассказывал, что про эту пещеру знали в окружении Хасана Исраилова. Какое-то время и Хасуха был среди них. Там же был, говорят, и наш земляк из Верхнего Наура, Саадула Магомадов. По некоторым слухам, в этой пещере спрятаны немецкие автоматы времён 2-й мировой войны и которые, якобы, были сброшены с немецкими парашютистами. Но это — полная чушь. Во-первых, пещеру искали ещё в 30-х годах, когда о войне никто и предположить не мог. Во-вторых, в пещерах почти всегда сыро и за это время автоматы бы давно проржавели насквозь. И тратить столько сил, средств и времени в поисках ржавого металлолома бессмысленно. Пусть ржавеют дальше, кому они мешают, если и сама пещера замурована. Это уже домыслы местных жителей.

По одной информации Исраилов перепрятал какие-то предметы, составляющие древнюю тайну чеченцев и вместе с ними много ценностей, чуть ли не сокровище. Но я не могу в это тоже поверить, откуда здесь взяться сокровищам? Хромой Тимур с Чингисханом спрятали? Не могли другого места найти? И пираты тут не водились. Про сокровища, похоже, тоже сочинили местные фантазеры, а какие-то древние артефакты, видимо, были. Видимо, эти предметы имеют какую-то важную историческую ценность. А КГБ получил задание найти и засекретить эти исторические предметы.

Не любят в верхах то, что возвеличивает наш народ. То, о чем говорили наши предки и эвлия о великом прошлом нашего народа, похоже, имеет под собою какую-то основу. Были, якобы, слухи о какой-то спрятанной золотой чаше или котле, но людям свойственно сочинять легенды про зарытые богатства и всегда находятся те, которые им верят. Это свойственно также лодырям, которые не хотят работать, но мечтают легко и быстро разбогатеть. Кстати, ты же знаешь моего хорошего знакомого Висайтова Хумида из Бугароя?

— Да, видел пару раз, познакомился.

— Так вот, ещё на прошлой неделе он был у меня в МВД и жалуется, что ты ещё ни разу не был у него в гостях, хотя по работе часто бываешь в Итум-Кале и каждый раз проезжаешь почти мимо его дома. Он один из моих ближайших друзей в этих горах. Хорошо знал Хасана Исраилова. Сходи к нему в гости, пообщайся с ним. Он тоже бывший абрек, но не любит об этом рассказывать. Он будет рад и может быть тебе полезен. Он знает все в этих горах. Он интересный человек.

— Этот чинхо (Чинхой — один из крупнейших в Чечне тайпов) очень осторожный человек, — добавил он. — Если он напрямую имел отношение к пещере, то точно ничего не скажет. А если он что-то слышал, то может с тобой поделиться информацией.

Итум-Кале

I

Село Итум-Кале. Так оно значится в советской картографии и по всем административно-территориальным документам. Но правильное название по-чеченски — Итон-Гала, что со старочеченского переводится как крепость (город) Итон. Среди жителей этой местности ещё встречается имя собственное Итон. Расположено оно на расстоянии более 20 км от Шатоя на юг, в сторону высокогорья. Итум-Кале или как называют его чеченцы Итон-Кхаьлла поистине является сердцем чеченских гор. Именно здесь располагается множество древнейших замковых комплексов, окутанных легендами и сказаниями.

Само Аргунское ущелье, которое находится в Итум-Кале является визитной карточкой чеченской истории. Легендарное ущелье, в котором навсегда терялись вражьи следы является самым глубоким и длинным на Кавказе. Оно простирается около 150 километра от Черных гор до грузинской Хевсуретии и представляет собой целое природное и культурное наследие. Это настоящая магия, сотворенная вулканическим огнем времени и величием природы. Возникшее в ходе прорыва реки Аргун сквозь северную часть Главного Кавказского хребта, ущелье предстает перед нами как величественный свидетель эпох, заслуживающий внимания и уважения.

Для многих само слово Аргунское ущелье ассоциируется с местом вечных сражений и битв. И неудивительно, ведь именно здесь крупные чеченские общества такие как шотой, чантий, чинхой, шарой давали отпор войскам Тамерлана, а уже впоследствии армия царской России десятилетиями билась за вход в это ущелье. Только в 1858 году генерал Евдокимов, покорив значительную часть Чечни и обеспечив таким образом свой тыл, решился овладеть этим местом. Русские войска в количестве до 45 тысяч солдат и офицеров, проникли в Аргунское ущелье, неся значительные потери от непрекращающихся атак чеченцев; однако окончательное овладение ущельем, вплоть до верховья реки Аргун, заняло ещё около года. А уже в годы современности, во время двух военных компаний в Чечне, за Аргунское ущелье шли такие же ожесточенные бои.

На автомобиле туда нужно добираться не менее часа. В некоторых местах дорога настолько узкая, что может проехать только один автомобиль. Поэтому в скалах выдолблены «карманчики», в которых один автомобиль уступает дорогу встречному. Местами колея проходит впритык к краю каменистой пропасти, отвесная глубина которой достигает десятки метров. Оградительные от пропасти бордюры отсутствуют и потому, часто в зимнее время есть большой риск сорваться в пропасть для неопытных водителей. (Дорожные условия по состоянию на 1983 год).

В Итум-Кале есть продовольственный и хозяйственный магазины. В продовольственном, наряду с продуктами, торгуют и промтоварами. Ассортимент небогатый, только самое необходимое для здешних жителей. Перед магазинами почти всегда стоят автомашины, привязанные верховые лошади. Дальше в горы автодорог почти нет. Одна дорога через Тазбичи серпантинном уходит вверх, выше облаков, к альпийским лугам. Но там уже нет сел. Есть бывшие крупные горные селения, ставшие ныне небольшими хуторами. По этой дороге в весеннее время на грузовом автотранспорте вывозится на весенне-летний период свыше ста тысяч голов крупного рогатого скота и конского поголовья. До самой Грузии, Ингушетии и Дагестана, куда простираются эти горы, больше нет ни одной торговой точки. Люди из самых дальних хуторов и скотоводческих точек приезжают сюда верхом на лошадях, а в зимнее время часто с ружьями.

Картина со всадниками выглядит очень живописно. Все лошади верховые, грациозные. Их в телеги не запрягают. За три года работы в районе я никогда так и не увидел здесь телегу.

В основном покупают мешками, флягами или ящиками и самое необходимое — керосин, свечи, муку, лук, чеснок, соль, мыло, сахар, спички. А кукуруза, мясо и картофель свой, на месте. Картофель кстати в горах отменный.

II

Итумкалинцы и жители окрестных селений немного отличаются от других жителей Чечни. Они более высоки, светлы, среди них больше светлоглазых, кареглазых. Особенно красивы женщины. Итумкалинцы очень радушны, приветливы. Почти все старейшины окрестных сел и хуторов говорят, либо могут объясняться по-грузински. Они имеют родственные и куначеские контакты за перевалом, в первую очередь с кистинцами (те же чеченцы), хевсурами (огрузинившиеся нахи-христиане).

Не доезжая до Итум-Кале со стороны Шатоя, расположено с. Кокадой, которое входит в итумкалинский сельсовет. Здесь располагается контора колхоза им. XX партсъезда, колхозные склады, автотранспортный парк. Перед конторой правления колхоза всегда слоняются люди, в основном скотники из дальних бригад, хуторов, чабаны, а то и просто любопытные. Здесь всегда в шашлычной можно получить новости отовсюду, включая международные.

Там возле конторы я и встретил Хумида. После обычных чеченских расспросов о житье-бытье, начал он меня упрекать, мол, твой дядя мой друг и ты до сих пор даже не соизволил зайти и погостить. Я охотно согласился. Мы договорились, что на ближайший выходной я приеду к нему с ночевкой.

Хумид — удивительной судьбы человек. С таким человеком я сталкивался впервые и, пожалуй, больше не встречал. Родился он в начале века. Ему, оказывается, было уже за 80 лет. Хотя внешне я бы ему дал не более 50-ти. Точно сколько ему лет он и сам не знал. Лицо чистое, без единой морщинки, ровные, крупные и белые зубы, как и у моего отца. Физическим трудом занимался с раннего детства и при этом имел отменное здоровье и физическую силу. Хорошо кушал, но при этом не был склонен к тучности. Его знал весь район, его знали в соседнем Дагестане, в Грузии. И если бы не его жестокое убийство, наверное, он был бы долгожителем. Про его молодые годы до сих пор ходят самые невероятные и противоречивые легенды.

Хумид был рад моему приходу. Жил он с семьей. Он имел типичное для горца хозяйство: скромный, невысокий дом, сложенный из кирпича и камней, лошади, овцы, коровы. Под навесом сушится мясо, но он уже успел, невзирая на мои мольбы, зарезать барана в честь гостя.

Он мне рассказал много интересного, такого, что не прочтёшь ни в одной документальной книге. Я быстро разгадываю человека, когда он что-либо преувеличивает. Хумид был не из таких. Этот человек прошёл суровую школу жизни. Удивляло, как он при всем этом так сохранился. Не буду описывать весь наш разговор, а остановимся лишь на том эпизоде, который заложен в название этого повествования. Я с ним потом общался много раз, он сам уже часто проездом останавливался у меня в Шатое, пообедать, помолиться, тем более, что он доводился родственником Маслаат, у которой я снимал квартиру.

Хумид работал сезонным (в весенне-летний период) бригадиром отгонного животноводства совхоза «Гвардейский» Надтеречного района (это район, откуда я родом). На этот период скотники и бригадиры нанимались в горах из числа местных жителей. Он имел хорошие отношения с братьями Завгаевыми. Оказывается, вместе с Эли он неоднократно приезжал и в Надтеречное, будь то свадьба или похороны у моих родственников и был хорошо знаком с моим отцом и его братьями — Альви, Аладом, Исой и другими старшими. Каждого поимённо знал и расспрашивал и просил передать им привет.

Конечно же в ходе долгих разговоров я подвёл его к интересующей меня теме и спросил как о чем-то непонятном для меня.

— Хумид, случайно, примерно месяц назад я узнал, что КГБ ищет в этих горах какую-то пещеру. Какое дело КГБ до этой пещеры и что они хотят там найти?

— Ты от кого это слышал? — он внимательно посмотрел на меня в глаза, что мне стало неловко.

— Да в РОВД старые работники как-то об этом заикались. А, кстати, то ли в Шарое, то ли в Шикарое кто-то из жителей тоже упоминал об этом, но, правда, никто толком ничего не объяснил. Я уже забыл об этом, но сейчас внезапно вспомнил и подумал, может ты что-то знаешь про это?

— А ты у Эли не спрашивал об этом?

— Да каждый раз забываю, — слукавил я, стараясь внешне не придавать этому значения. И на всякий случай решил добавить. — Я даже не хочу знать, где она. А узнал бы, близко к этому месту не подошёл бы. Я увлекаюсь нашей историей. И как я понял, в пещере есть что-то очень старинное. Но никак не могу понять, что именно и какое до этого дело КГБ?

Последовала пауза. Я и сейчас хорошо помню содержание нашей беседы. Последовал вначале диалог на отвлеченную тему. Я уже подумал, прав был Эла, когда говорил, что если Хумид имеет какое-то отношение к пещере, то точно ничего не скажет. Но Хумид сам вернулся к этой теме, правда, через какую-то сказку или легенду.

— Я был ещё маленький, когда услышал о пещере от старших. В древнее время жил в этих горах Турпал-Эла...

Как только он начал, я уже разочаровался. Мой вопрос был простой. Ожидал более серьезную, интригующую и конкретную информацию. Суть рассказанной им легенды, многих деталей которой я сейчас и не помню по причине потери интереса, сводилась к тому, что легендарный персонаж Турпал-Эла спрятал где-то в пещере свой меч и в будущем должен вернуться, взять этот меч и вершить справедливость на земле. По-моему, подобные герои и легенды есть у всех народов...

Стараясь быть деликатнее, я вставил:

— Но, Хумид, Турпал-Эла это сподвижник нашего пророка, более почитаемый мусульманами-шиитами. И, по-моему, нигде и не упоминается, что он бывал в Чечне.

Сказать честно, я особо и не блистал знаниями по истории ислама в ту пору. Я оказался дилетантом. Про Турпал-Эли я слышал и раньше, но почему-то я его отождествлял с асхабом Али (а.с.).

Хумид возразил:

— Нет, речь не идёт об асхабе Али (а.с.), а о Турпал-Эли, и мы, ноахчи, происходим от него. Это он спрятал меч в пещере. И каждого, кто хотя бы случайно доберётся до этого меча, ждёт быстрая смерть. Пещеру охраняют тайные силы и потому её невозможно обнаружить. А если кто-нибудь и обнаружит, то обязательно погибнет. Раньше среди чеченцев были избранные люди, которые её охраняли. А сейчас где эта пещера и что с ней, никто не знает.

— Ну, так выходит, что КГБ ищет меч этого Турпал-Эли? — Уже без интереса спросил я, надеясь побыстрее закончить эту тему.

— Ну, конечно, нет. Это я тебе рассказал легенду про Турпал-Эли и пещеру. Пещера есть и в ней спрятана большая тайна. Они пещеру не найдут. Я это знаю, но что именно в ней я не знаю, но слышал, что это — кьоман кьайле (тайна народа, нации). А меч найдёт тот, кому он предназначен. У этого времени свой час. Так говорили раньше знающие люди.

Это выражение («тайна народа») я услышал впервые тогда от дяди и от Хумида. Позже, с момента прихода к власти Д. Дудаева, в начале 90-х годов его часто произносил и сам Дудаев, применительно к тем вопросам, на которые, видимо, он не хотел давать ответы. И ещё в те годы, до начала Первой Чеченской войны, по местному телевидению часто выступали историки, старейшины, религиозные авторитеты с разными мнениями и советами. Наверное, мало кто уже это помнит, но в их выступлениях несколько раз было сказано о том, что в горах Чечни спрятана «тайна нашего народа». Но никто из них не раскрывал, что это за тайна там спрятана. Я, уже будучи в курсе о пещере, это хорошо запомнил. Об этом не мог не знать и Джохар Дудаев, который часто произносил это выражение по телевидению, утверждая, что наш народ владеет важной тайной, спрятанной в горах.

Я понял все, что Хумид мог мне сказать или посчитал достаточным сказать (что ближе к истине), уже сказано. Делать попытки выудить у него более подробную информацию было бы нетактично. Он значительно старше меня по возрасту. Я получил лишнее подтверждение, что пещера есть, действительно её ищут, но до самой сути я не продвинулся ни на шаг. Нелишним будет здесь добавить, что Хумид также меня предупредил, чтобы я ни у кого из посторонних не расспрашивал про пещеру, это нежелательно.

— КГБ потом от тебя не отстанет. А ещё лучше, не интересуйся ею ни у кого, это нежелательно. Занимайся своей работой. — добавил Хумид.

Сказать честно, все эти советы об «осторожности» меня уже начали раздражать. Что они все меня учат этому? В конце концов, я оперативный работник и ещё других могу научить методам конспирации и сохранения тайны информации...

III

Утром я проснулся рано, но Хумид встал ещё раньше. После завтрака Хумид предложил мне пойти к его приятелю старику, который живет недалеко на хуторе, если у меня есть еще свободное время. Это был воскресный день, а от Бугароя до хутора на месте заброшенного селения было около часа пути. Мне интуитивно показалось, что он хочет чему-то меня посвятить. Я согласился. Выехали на его автомобиле. Очень крутой подъем по серпантинной дороге. Зимой и в осенне-весенний период, при относительно низкой облачности, это место находится либо выше, либо в зоне облаков.

— Тебе будет интересно с ним поговорить. Если я буду с тобой, то он кое-что может рассказать. А так, обычно, про старые дела он не любит рассказывать. Он бывший обарг (абрек, повстанец — чеч.).

Меня действительно не интересовало местонахождение этой пещеры. Меня интересовало только в какой форме должен быть этот «Къоман къайле»? Ну не книги же или другие документы. Пещера — не лучшее место для хранения архивов. Да и не было книгопечатания никогда в древности в Чечне. И не меч мифического Турпал-Эли, в конце концов. Если бы он имелся, то он тоже, наверное, давно проржавел. Если же там какие-то древние артефакты, то это больше работа для археологов, историков, краеведов. Но при чем здесь КГБ?

Разумеется, было бы неверно думать, что все три года, что я проработал в Советском районе, то только и думал про эту пещеру. Своя работа у меня была не из легких. Я всегда был ею завален. Иногда приходилось работать и в выходные дни. Больше приходилось работать с бухгалтерскими документами и проверять людей далеко не глупых, но не буду вам докучать деталями этой работы. Для вас это будет неинтересно.

Где-то ещё до обеда мы с Хумидом выехали на его автомашине УАЗ в местность, где жил этот старик. И через пару десятков километров по горной узкой дороге, по которой, казалось, невозможно проехать на автомобиле, припарковались у одного из хуторов напротив южной стороны Скалистого хребта. Из дома вышел навстречу высокий старый, но ещё крепкий худощавый старик. Он нас радушно встретил. Хумид меня представил как племянника Эли. Узнав об этом, старик воодушевился и начал расхваливать дядю.

— Твой дядя — настоящий къонах (чеч. — молодец, мужчина), — заявил он.

Дочь или сноха начала накрывать на стол. После обеда мы вышли во двор и сели под навесом пить чай с мёдом. Старика назовём Мажа (или Мага). Я сейчас не помню его имя. Только помню, что у него были охотничьи собаки и что он был заядлым охотником. Скорее всего, его давно уже нет в живых. Но должны быть живы его потомки. Он состоял в антисоветском повстанческом движении Хасана Исраилова. Был осуждён и затем амнистирован. Об этом я узнал от Хумида ещё по дороге. Но эти детали Мажа сам не раскрыл и я его об этом не спрашивал, о чем заблаговременно меня и предупредил Хумид.

Я не буду докучать вам деталями всего разговора, но если сказать вкратце, то Хумид ему объяснил, что я интересуюсь нашей местной историей. О пещере я много слышал противоречивого, но до сути не дошел. Меня совершенно не интересует ее местонахождение, а интересует лишь, что именно там спрятано. Разумеется, все, что я узнаю, останется в тайне.

— Да нет у меня никаких тайн, — махнул Мажа рукой. — А знаю я не более, чем знают другие. То, что пещера интересует КГБ, я тоже знаю. У меня они ничего про неё не спрашивали. Но когда я ещё находился под арестом НКВД вместе с другими чеченцами, ещё в те годы, то у других они выпытывали информацию о всех известных им старых закрытых пещерах. Еще интересовались, в каких именно пещерах скрывался в последнее время Хасан Исраилов, хотя его в то время уже не было в живых.

Пещеру ищут и какие-то молодые люди. Я часто охочусь в горах и встречаю их. Они тоже меня спрашивали, мол, не знаю ли я какую-нибудь старую закрытую пещеру.

Он указал на Борзхой-Лам (иначе называют Тумсой-лам) и спросил:

— Видишь вон там раздвоенную скалу?

Скалу эту я видел уже не в первый раз. Она видна издалека в округе. Она напоминает высотное здание, разрушенное надвое. Она была правильной четырехугольной формы, но раздвоена так, как будто какой-то гигант топором или мечом разрубил её ровно надвое.

— Так вот, — продолжил он. — по преданию, эту скалу разрубил своим мечом ещё Турпал-Эла. Он пил из Святой Чаши и стал от этого необычайно сильным. (Это был второй случай, когда я услышал про Чашу, но я этой сказке тогда не придал значения и вспомнил лишь сейчас, в Бельгии, много лет спустя). Он спрятал свой меч в пещере, закрыл её, а сам ушёл, чтобы потом вернуться. Никто не сможет найти эту пещеру. Турпал-Эла должен вернуться, а когда — никто не знает. И никому не суждено найти эту пещеру и меч, который там хранится. Того, кто даже случайно доберётся до этой пещеры ожидает быстрая смерть.

Об этом же я слышал и от Хумида. Мысленно я был опять возмущён, что они все заладили про этот меч. Я у них интересуюсь пещерой, почему её ищет КГБ. А они все про меч.

— Мажа, расскажи ему про жудки (еврея), — добавил Хумид.

То, что он рассказал и вовсе поставило меня в ещё больший тупик. Посудите сами. Речь идёт либо о периоде Гражданской войны, либо о начале 20-х годов 20-го столетия. Но точно после свержения в России царя. Все кровавые революционные события в Чечне происходили на плоскости и вокруг Грозного. И все это прошло мимо горной Чечни. Уже не было здесь царской администрации, но не было и советской. А чеченцы жили своей обычной патриархальной жизнью. Мажа был молодым человеком и был тому свидетелем сам. В селение приехали четверо всадников. Трое хорошо вооружённых чеченцев из плоскости в сопровождении гостя издалека. Из Москвы или из Петербуха. Они остановились на ночлег у его дяди. Дядя имел большой дом с широким крыльцом и несколькими комнатами для гостей, был более зажиточным, чем другие. Мажа помнил, как он с другими молодыми родственниками обхаживал этих гостей. Водили на водопой и мыли их лошадей, давали им корм. До приезда сюда, эти люди побывали уже в Зумсое, Чинхое и где-то ещё.

Чеченцы умели говорить по-русски. И с их перевода стало известно о цели визита этого гостя. Гостя интересовала закрытая когда-то тайная пещера. Со слов гостя, (!) там должны храниться старинные реликвии, которые к чеченцам-мусульманам не имеют никакого отношения, а имеют отношение только к иудейской религии. И что ещё в древности, жудкий (иудеи) в тяжёлые для них времена передали их на хранение чеченцам. С его слов, среди реликвий должна быть ещё чаша или ваза. Она из золота. Все реликвии и эту чашу, как их религиозную святыню, гость хотел бы найти для того, чтобы вывезти куда-то и передать ее в главную еврейскую синагогу. Если даже в пещере ничего не сохранилось, то все равно её необходимо найти. Зайдя вовнутрь, он сможет распознать та ли самая это пещера или нет. Но при этом также будет выплачено вознаграждение.

IV

В то время из российских денег ходили только царские серебряные и золотые монеты. А советских денег либо еще не было, либо они еще не дошли сюда. Поэтому гость предлагал, в случае обнаружения этих реликвий, царских золотых монет столько, сколько будет весить эта чаша, плюс столько ещё золотых монет, сколько будет помещаться в этой чаше. Плюс отдельно оплата услуг посредников, которые выведут на людей, знающих о местонахождении пещеры. При себе у него такого золота не было, но обещал, что в случае удачи в поисках, он может за короткое время и быстро обеспечить доставку денег.

В доказательство серьезности намерений гостя, проводники поведали о том, что они снарядились сопровождать гостя также за щедрую оплату. Всем троим за услугу только быть проводниками и охранять его в горах, гость купил великолепных верховых лошадей и по одному револьверу с боеприпасами. А винтовки и холодное оружие у них имелись свои. И каждому проводнику дал ещё по одной золотой монете.

Ночью к дяде Мажи верхом на коне прискакал один человек, видимо, из того селения, где до этого останавливались гости. В дом заходить не стал. Вызвал хозяина на улицу и о чем-то с ним переговорил. Когда он уехал, то озабоченный хозяин дома обратился к чеченцам-проводникам и попросил передать гостю, что в его доме и в этом селе все они в безопасности. Но если они направятся отсюда в другое место, то в дороге их может подстерегать опасность, засада. Ему будет очень неприятно, если с людьми, гостившими у него, случится беда даже вне его дома. Поэтому он советует с утра пораньше, пока ещё люди будут спать, выехать отсюда и как можно быстрее покинуть эти горы. И добавил, что есть люди, которые собираются их убить.

Под утро гости под охраной дяди и нескольких вооружённых родственников отправились в направлении дороги на Шатой и далее к Грозному.

Напоследок гость, говорят, ещё настойчиво просил к его следующему приезду постараться найти эту пещеру и опять наобещал щедрое вознаграждение всем участникам поисков в случае ее обнаружения. Несомненно, что угроза исходила от тех людей, которые стерегли пещеру и знали о ней больше, чем остальные. Информация о предлагаемых деньгах, конечно, до них дошла, но они на это отреагировали тем, что попросту решили их уничтожить.

Проводив гостей в сторону Грозного, дядя вернулся и в присутствии родственников удивленно сказал, что именно про эту же пещеру несколько лет назад спрашивали ингалсы (англичане — А.С.), которые несколько раз приезжали из Грозного и ходили с местными проводниками по горным селениям. А теперь к ним добавились и евреи...

Для справки. В конце 90-х годов 19 века в Грозный прибыла группа англичан-специалистов, заинтересованных в открытых здесь нефтяных месторождениях. Они здесь открыли свое представительство и начали обустриваться и активно принимать участие в добыче и переработке нефтяных месторождений. Это была известная уже в мире компания Shell. И в это же время какая-то их группа, или таковая, прибывшая к ним как к соотечественникам, прибыла в горную Чечню и занялась поисками и изучением пещер. Они были замечены в районе селений Хазар-кхел, Мулкой, Гухой и других урочищ. Они и не скрывали, что их интересуют пещеры, чем вызывали недоумение и удивление местных жителей. После них и вплоть до свержения царизма, с этими поисками больше никто не был замечен.

На прощание Мажа сказал мне:

— Это хорошо, что ты интересуешься нашей историей, но особо не копайся в этом вопросе. И не доискивайся места, где находится эта пещера. Хуьучу наха магийна дац боху иза. («Знающие» люди, говорят, не одобряют это). Ещё говорят, что там много сокровищ и кто на них посягнёт, тот тоже погибнет.

— Но откуда здесь могут быть сокровища?! — недоуменно спросил я.

— Откуда-то издалека, говорят, принесли и спрятали. (Цхъаьна пана-махкара схъа а деана, дІадоьллина боху-чеч.).

— Но кто будет прятать свои сокровища здесь? Если это был какой-то богач, то ему было бы проще их спрятать в своей стране. В крайнем случае, он мог бы и в саду у себя закопать! — меня раздражала наивность этих далеко не молодых людей. Я поймал себя на мысли о том, что я, образованный человек, работаю на ответственной должности, а занимаюсь всей этой чепухой. Несерьезно. Если узнают коллеги чем интересуюсь, обсмеют ещё. Мысленно я провёл аналогию. Остап Бендер в «12 стульях» объявил Васюки мировой шахматной столицей. Теперь осталось мне объявить район Итум-Кале хранителем сокровищ...

— Этих чужеземных людей называли пиренги. И говорят, что они были христиане. Я слышал ещё в детстве, что много поколений назад они привезли издалека сокровища деши-дети (золото-серебро) и спрятали их в этих горах.

— И куда они потом ушли? Обратно к себе домой, наверное?

— С ними была война и их частью уничтожили, а частью прогнали, но некоторых из них, говорят, приняли в свои тайпы чеченцы.

Я ожидал информацию самую неожиданную, но не эту. Теперь ещё и еврейская «чашка» из синагоги добавилась. Пусть даже и золотая, ну и что? Англичане... Какие-то неизвестные никому пиренги. А если они христиане, то могли быть только грузинами. И почему чашей и ценностями заинтересовались евреи? Какая-то грузинская княжеская династия действительно могла здесь спрятать свои ценности на время, пока там у них уляжется очередная смута. А потом могли забрать. А иначе, какой дурак оставит здесь свои сокровища. И слухи, похоже, просто продолжают идти по инерции. И мне в голову пришла ещё одна мысль. А может быть это все чекисты выдумали и «пудрили» мозги чеченцам ради своих чекистских шуток? Но, с другой стороны, не может же подобная «шутка» передаваться в одном и том же ведомстве несколько десятилетий... И ради чего? И какие чекисты стали бы так щедро тратиться на проводников? Я тогда и приблизительно предположить не мог, что получил ценнейшую информацию, подтверждение которой придёт много лет спустя из совершенно другого источника.

Родословная

I

Начиная ещё со школьного возраста я увлекался историей родного края. Не оставил непрочитанным ни одно художественное или документальное произведение местных и других авторов о нашем крае. Правда, признаюсь, что древняя и средневековая история чеченцев оставалась для меня «белым пятном». Таких произведений было ничтожно мало и в них было мало сведений о древности. Имел постоянный читательский абонемент даже в республиканской библиотеке им А. П. Чехова. Книгу А. Айдамирова «Долгие ночи», изданную на чеченском языке в дни «ингушских выступлений» в Грозном в 1972 году, я прочёл 3—4 раза в бытность мою ещё студентом нефтяного техникума.

Я знал чуть ли не поимённо многих чеченских наивов при Шамиле и до него. Тем более, что одним из наивов того времени, до Шамиля, ещё при Ермолове, был мой 5-й предок Эжи (Эджег-Аджа, Эжа-Аджа, Эжиг-Хаджи) близкий друг и боевой соратник Бейбулата Таймиева. Правильным будет имя Эжи-Хаджи. Титул Хаджи он получил после совершения пешего паломничества в Мекку. В донесении Российскому императору от наместника на Кавказе так и упомянуты «самые непокорные чеченцы» братья Эжи, Эльжурка и Эльдар. Эжи в своё время был принят турецким султаном на обратном пути из паломничества в Мекку. Таймиев неоднократно вел переговоры с русскими, — это была дипломатия, направленная больше на установление мира и предотвращение уничтожения народа.

Я привожу частичную генеалогию по отцовской линии, как принято у чеченцев, от современности к древности.

Али — мой отец; Цики — дед; Сайдула — прадед; Лоса, жил примерно в 1833—1890 годы; Эжа, жил примерно с начала 19-го века до 1858 года; Косам, Айда, Иеда, Ада, Айбула (Ойбала), ... И, таким образом от моего прадеда до родоначальника тейпа Гордала — 24 имён предков, но с «пробелами» из некоторых утерянных имен. 25-й предок был Гавра. Двое его сыновей из Нашаха — Гордал и Энган переселились в Чеберлой и основали или вновь воссоздали бывшие до этого там села Басха и Хинда. Некоторые имена предков были утеряны после 1944 года. Все имена были хронологически записаны в утерянном тептаре прадеда. Потом восстановили по различным каналам.

Позже, по всей видимости, потомки Гордала и Энгана переселились из Чеберлоя и основали поселения, которые в дальнейшем дали названия селениям и новым родственным тейпам — Гордалой и Энгиной. Приводимая хронология неточная, приблизительная. Каждый из предков имел множество братьев, соответственно они имели другие нисходящие родословные ветви. В Нашах предки пришли из предгорий Башлама (гора Казбек). А туда их предки пришли из Грузии, куда, в свою очередь, предыдущие поколения пришли из Шема (Шема-арие — Месопотамия). Известен один из потомков Гордала — Векил Эльгукко Гордалари — предводитель чеченцев конца 14-го начала 15-го веков. Он вёл успешные военные кампании против кабардинцев и дагестанцев, ставленников Тамерлана. Он освобождал чеченские равнинные земли, ранее захваченные ордами Тамерлана и заново основал Мелчхи, Бердыкель, Гудермес, Устрада-Гордал-аул (Аргун).

Возможно, что моя родословная будет представлять интерес не для всех читателей. Я не пытаюсь выделить своих предков в более лучшем и славном виде. Бесспорно, среди чеченцев найдутся те, у которых ещё богаче родословная. Но я стараюсь этим самым донести до читателя общую и типичную картину происхождения наших предков. Приводимые более поздние факты имеют документальное подтверждение и они ранее официально где-либо почти не пуб-

ликовались. Нам интересно знать с какими проблемами они жили, что они ценили и к чему стремились. А знание своей родословной — это одна из отличительных черт «чеченского аристократизма».

Известны забавные случаи жизни одного из моих предков. Про одного из них, к примеру, который жил в ту пору, когда люди начали принимать ислам. Во многих селениях уже были муллы и начали строиться первые мечети или молельные дома. Люди постепенно начали принимать новую веру. Видимо, процесс этот продвигался не так быстро. Прилюдно все соглашались с новыми нормами жизни. Принимали их. Тем более, что многие положения ислама соответствовали чеченским нормам адата. По новым нормам жизни запрещалось есть свинину, варить и пить их (традиционный слабоалкогольный напиток — пиво, брага). Бросать привычное для кое-кого было, видимо, трудновато. И некоторые по вечерам уединялись, — тайком варили и пили этот напиток. А днём ходили молиться со всеми.

Мой упомянутый предок один или с товарищем часто уходил на охоту. Убивали там дикого кабана, съедали его целиком, поджаривая на углях. Затем убивали оленя или косулю и с этой добычей возвращались домой. В те времена на этой земле в изобилии водились олени. По преданию, он обладал чудовищной силой. Но от привычки съедать зажаренного кабана, говорят, избавился с большим трудом.

Документ из РГВИА, который опубликован в сборнике документов «Материалы по истории Дагестана и Чечни» (Махачкала, 1940) свидетельствует, что наш предок Эжа-Хаджи (в документе Горячевской деревни Эджег-Аджи) ещё в 1822 году возмущал жителей Шали. Согласно этому документу, при возвращении из Хаджа в 1821 году Эжа останавливался в Царьграде (Стамбуле), взял письмо-воззвание от турецкого султана к чеченцам, призывающее к войне против России, и на основании этого письма возмущал народ.

Согласно рапорту полковника Грекова на имя Командующего корпусом (Кавказским) при взятии Шали «чеченцы шалинские сами начали жечь сена свои, солому и хлеб в деревне остававшийся. Эту мысль преподал им Горячевской деревни Эджег-Аджи, привезший прошлого лета из Царьграда (Стамбула- А.С.) ложные письма, будто бы от солтана, и расстроивший тем народ, он уверял, что русские, не имея сена, поневоле пойдут назад и они останутся в покое».

Деревня Горячевская (по русским источникам) — чеченское селение Мелч-хи, основано переселившимися из гор гордалойцами. Эжа первое время проживал там (А.С.).

Согласно Ведомости, чеченским деревням, покорившимся чрез (стилистику сохраняю) Г. Генерал-Лейтенанта Шамхала Тарковского с показанием числа дворов и непокорных жителей, из перечисленных, не принимали покорности Имянно: *Эжа-Аджа, Елжарука, Элдар...* (Это — три брата и в общем списке по населённым пунктам идут первыми, как самые непокорные — А.С.). РГВИА. Фонд номер 13454, опись 2, декабря, ед. хранения номер 641, лист 2. Дата принесения покорности России чеченцами во главе с Бейбулатом Таймиевым через Шамхала Тарковского Мехти-Хана — 4 Марта 1829 года.

Фактически Эжа был одним из лидеров воюющих, «немирных» качкалыковских чеченцев. Но позже он примкнул к сильному и более признанному человеку Бейбулату Таймиеву.

Они решили сделать ещё одну попытку заручиться поддержкой сильной единоверной державы и с этой целью направились в Турцию. Третьим с ними был представитель то ли центроевского, то ли энгиноевского общества. Наши семейные предания не сохранили деталей этого путешествия. Нет сведений, были ли они приняты на этот раз турецким султаном. Нам неизвестно также дошли они на этот раз до Стамбула или нет, ведь Стамбул далеко расположен от восточной границы. Факт, что они оттуда вернулись. Возможно, что они имели встречу лишь с каким-нибудь местным главой восточного, ближайшего к Грузии, вилаята, хоть в том же Эрзеруме или Трапезунде с тем, чтобы тот передал их просьбу самому султану. Кроме того,

именно в рассматриваемый период царская Россия вела военную кампанию против Турции на указанных территориях.

II

По семейным преданиям, Эжа не любил рассказывать об итогах этой поездки, чтобы не навредить возможной оглаской. Имя Эжи осталось лишь в царских архивах, да в обрывках воспоминаний старших из нашего рода. Больше о дружбе Эжи с Бейбулатом был осведомлён ныне покойный глава гордалоевского рода в Надтеречье Пуцигов Эла. Он много рассказывал подробностей об этом, но никто из наших фамилий письменно не зафиксировал этих деталей. А Таймиев Бейбулат более известен в местной краеведческой истории, чем Эжа.

Эжа относился к числу наиболее воинственных лидеров горцев. Участвовал, а по некоторым сведениям, руководил нападением чеченцев на русскую крепость Внезапная. Но он не был кровожадным и «злым чеченом», как может показаться. Среди прочих архивных документов имеется один любопытный документ того времени, который я привожу ниже по тексту, без изменений.

ПЕРЕПИСКА

Шамхала Тарковского с царской администрацией по поводу обращения к нему известных чеченских старшин о заключении мира с Российской империей (1829 год).

Его Сиятельству господину Командующему в Грузии, губернии Астраханской и области Кавказской, генералу от инфантерии Его Императорского Величества генерал-адъютанту и разных орденов кавалеру графу Ивану Фёдоровичу Паскевичу-Эриванскому.

РАПОРТ

Высококостепенный Шамхал Тарковский письмом своим от 24-го генварь сего числа мною полученным (24 января 1829 года), извещает, что старишины Чеченские, от имени народа своего ищут покровительства Российского Императора и намерены по принятии присяги на верноподданство, в залог оного дать из каждого округа аманатов, причем препроводил в копии письмо к нему от чеченских почетных старейшин Гаджи-Керима, Ших-Шерифа, Гаджи-Эйджы, Бей-Булат, Томирзы, Суза, духовенства и всего общества, заключающее желание их поступить под покровительство России и просьбу к Шамхалу быть у них по сему делу посредником, но о даче аманатов в бумаге сей ничего не упоминается.

Почтеннейшие донеся о сём Вашему Сиятельству, имею честь представить на благоусмотрение Ваше оригиналом письма Шамхала Тарковского и следующее к нему копию с такового же к нему от старшин и народа чеченского.

Генерал-майор Краббе.

Номер 61, февраля 7-го дня 1829 года, крепость Баку.

Центральный государственный исторический архив Грузии (далее — ЦГИАГ), ф.2, оп. 1, д. 2425, л. 2 с оборотом.

Перевод с копии.

От чеченского народа, в особенности от Хаджи-Керима, Ших-Шерифа, Хаджи-Эйджа, предводителя войск Бей-Булата, Тумерзы, Сузы и от прочих почетных светских и духовных ученых особ к Правителю Дагестана Мегди Шамхалу.

Получив достопочтенное письмо Ваше, за знаменитою почестью Вашею, мы поняли содержание оного и быв оным довольны чрезвычайно обрадовались. Полагаясь совершенно на обильные милости и превосходные качества Ваши и мы просим даровать нам мир и успокоить наши сердца. Мы уверены, что Вы не поступите в сих миролюбивых наших делах по примеру Ваших кумухских подвластных, кои суть старишины Андри и Яксая. Мы не ищем у них мира, но у Вас. У них нет порядка правления и власти; они много сделали нам измены.

Ежели Вы кончите дело так, как нами упомянуто, мы покоримся и не изменим. Обратите внимание на наше дело с чистосердечием и доверенностью, а не жестоко и предательски, как те здеиние старишины.

ЦГИАГ, ф.2, оп. 1, д. 2425, л. 3 с оборотом.

Генерал-майору и кавалеру Краббе от генерал-лейтенанта Шамхала.

Представляя для себя обязанностью самоскорейше относиться к Вам во всех случаях, уведомляю Вас о следующем. Народ Чеченский и их старшины изъявили согласие покориться Российскому Правительству и избрали меня сём деле посредником. Письмо их на моё имя я приказал перевести и оставив подлинник у себя, препровождаю к Вам для сведения перевода оно, из коего Вы увидите изволите обстоятельства дела. Ежели найдёте нужным, без сомнения поспешите донести о сём Его Сиятельству генерал-адъютанту графу Паскевичу.

Дела миролюбия с упомянутым народом кончены мною на законном основании и они согласились, присягнув на верноподданство Российской Державе, дать из каждого поколения аманата и раскаиваясь в прежних худых своих поступках, обещались быть верными подданными и что после сего, кроме усердной и верной службы, они не доведут себя до каких-либо предосудительных подобных прежних поступков.

Основываясь на просьбе упомянутого народа, я отправил к ним почтенного своего племянника Хана Мамад-Бека и до прибытия его, наверно старшины и почетные светские и духовные особы того народа явятся ко мне и я тогда уведомлю Вас. Я согласен послать одного из побочных моих сынов к оному народу, дабы дело соделалось известнее.

Писано в начале месяца Шаабана 1244 года (5 февраля 1829 года) в Пириоль. Приложена печать.

ЦГИАГ, ф. 2, оп. 1, д. 2425, л. 4 с об, 5.

(Резолюция графа Паскевича на письме: «Весьма поблагодарить Шамхала с успехом. И сказать, что я весьма одобряю сие и прошу привести в действие; и что если дело сие кончится: то оно будет представлено Государю Императору, как дело, исполненное им»).

Перевод с копии.

Правителю Дагестана Мегди Шамхалу.

Письмо от Гаджи-Керима, Ших-Шерифа, Хаджи-Эйдже, предводителя войск Бей-Булата, Тумерзы, Суза и прочих почетных светских, духовных и учёных особ, и всего чеченского народа Шамхалу (с арабского, перевод старый).

Достопочтенное письмо Ваше нас обрадовало чрезвычайно. Зная совершенно милостивое Ваше расположение и превосходные качества, мы решились просить Вас даровать нам мир, спокойствие и согласие, в полной уверенности, что Вы в сём случае не будете поступать по примеру Вам подвластных Кумухских старшин Андри и Яксая, от которых мира не ищем, ибо нет у них порядка, ни правления, и притом же они часто нам изменяли. Если Вы кончите сие дело согласно с нашим желанием, то мы покоримся и пребудем верны. Приступите к оному с чистосердечием и доверенностью, без жестокости и предательства, направьте нас на путь истины и руководствуясь от труднейшего к легчайшему.

ЦГИАГ, ф. 2, оп. 1, д. 2425, л. 7 с об.

III

Как видим из вышеприведенного, ещё в те времена чеченцы искали путь к миру и согласию, используя горскую дипломатию. Но при этом его искали через справедливость и добрые помыслы с обеих сторон, чего, к сожалению, как видно из последовавших после этого событий, не получилось.

Жесточайшая несправедливость, методы коллективного наказания, включая сожжение целых селений и истребление населения, вырубка садов, потрава посевов, отчуждение общинных земель в пользу казачества или лиц, состоявших на царской службе и прочие методы «покорения», отнюдь не способствовали миру и взаимопониманию.

Плюс коррумпированная царская администрация и алчность её местных пособников на местах, также не способствовали укреплению авторитета Российской империи в глазах горцев.

А чем же было вызвано столь упорное нежелание представителей чеченского народа, чтобы в переговорном процессе не участвовали кумыкские старшины и которые «часто изменяли»?

Речь идёт об организованном кумыкскими князьями и старшинами депортации чеченцев из Кумыкской плоскости в 1817 году. Эту депортацию осуществили царские войска под командованием генерала Дельпоцо по указанию Ермолова. Много кумыков из княжеских семей верноподданически служили в русской администрации на Кавказе. Они, пользуясь этим, и спровоцировали на это царских наместников. Речь идёт об ауле Эндери. По царским документам — селение (деревня) Андреевское, Андри или Андрей-аул.

По мнению чеченцев, кумыкские лидеры поступили вероломно, — это было исконно чеченское селение, где наряду с ними проживали и кумыки. Кроме того, другие, менее крупные чеченские селения, располагались и по правому берегу Терека, недалеко от Эндери. Царские войска чеченцев оттуда выселили в сторону качкалыкского хребта, а часть их переселилась вверх по течению Терека и их потомки и ныне проживают в Притеречье. А эти земли царская администрация передала кумыкам «за усердие в службе»

А. В. Потто. «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях». Т. II, СПб, 1887 г., стр. 176, писал: *«Ермолов застал кумыков в таком стесненном положении от этих выходцев (чеченцев), что бедные кумыки даже на своей земле не могли считать себя безопасными иначе, как поддерживая связи и входя в родство с качкалыкскими чеченцами. Ни один из князей кумыкских, по словам Ермолова, не смел выезжать, не будучи сопровождаемым чеченцем».*

Адмирал Л. М. Серебряков («Мысли о делах наших на Кавказе». 1845 г.) писал: *«Чеченцы были самые беспокойные из всех соседей. Не только в наших границах по Тереку и по Военно-Грузинской дороге производили свои хищничества, но распространяли их между соседними кавказскими племенами, особливо между кумыками, так что кумыкские князья в собственных владениях уже не осмеливались ездить без чеченского проводника».*

Чеченцы представляли свободное общество. В силу этого, даже по определению, они не могли быть и чьими-то данниками. И «этим являли собою дурной пример для остальных» (по Ермолову). У других же народов все были подневольные.

Впоследствии Таймиев Бейбулат был убит из засады кровником. Потом пришли другие имамы. И наконец, имамом Чечни и Дагестана был провозглашён Шамиль. С самого начала Эжа был его противником. Говорят, ещё тогда Эжа сказал прилюдно, что этот человек бросит чеченцев в пекло войны на уничтожение, а потом и продаст их. По его словам, «у него не будет болеть сердце за чеченцев». И вообще, Эжа стоял на позиции, что лидером должен быть чеченец.

После провозглашения имамата, Эжа ещё какое-то время оставался гордалоевским наибом на плоскости. Участвовал в военных действиях против русских, но Шамиля не признавал. Тем временем Шамиль начал укреплять свою власть в Чечне. Ещё ранее, когда Шамиль, преданный единокровниками, бежал в Чечню, его сопровождали несколько человек. Чечня его приняла с почестями. Здесь нужен был именно духовный лидер, который бы объединил всех горцев под знаменем ислама. И после того, как его приняли чеченцы, к нему потянулись другие дагестанцы. Их надо было как-то содержать, кормить. Тогда Шамиль начал насаждать свою администрацию в чеченских сёлах, а села чеченские облагать налогом, в основном, продовольственным, якобы на содержание войска. У чеченцев такого до этого не было никогда. И в разных тейповых обществах на это отреагировали по-разному.

Зная, что население указанного общества неохотно поддерживает методы его правления, Шамиль на них затаил злобу. Как бы желая осадить им, Шамиль направляет в Гордали своих представителей с требованием уплаты значительно завышенного налога. Ими был дан ответ, что при объявлении сбора в поход гордалоевское общество выставляет не менее 500

вооруженных всадников со своим порохом и продовольствием, кроме того, гордалойцы никогда не наблюдают за боем со стороны (это был укор в сторону Шамиля) и потому число погибших выше. Неизвестно, чем закончился этот спор по поводу налога. Но какой-то компромисс, видимо, был найден.

Шамиль недолюбливал гордалойцев, но открыто противостоять им не решался.

Гордалой — один из сильнейших тейпов в ичкерийских горах. Кроме того, крупные общины этого тейпа уже проживали в Гудермесе и вокруг него. В конце концов Шамилю удалось привлечь на свою сторону часть старейшин тайпа и произошёл раскол в обществе. Гордалойцы все-таки признали Шамиля. Эжи также принадлежат слова, что в окружении Шамиля могут только «хорошо кушать и молиться». Как военачальника Эжа Шамиля не признавал. У Эжи произошёл вооружённый конфликт с нукерами Шамиля. Шамиль распорядился незамедлительно поймать его семью (опять коллективная ответственность), других родственников, а самому смутьяну отрубить голову. Эжи удалось бежать на плоскость. Его семья и другие родственники уже проживали в урочище Бердкел (не путать с с. Бердкел Шалинского района). Это между с. Брагуны и с. Баммат-юрт, возле Терека. Там и сегодня из подножия хребта обильно бьют горячие целебные источники.

Эта территория была объявлена мирной и считалась подчиненной царской администрации. Эжа имел авторитет среди чеченцев и он продолжал активно участвовать в военной и общественно-политической жизни горцев. Он периодически навещался в горы, в том числе и в Гордали. Но в горах он уже был как бы на нелегальном положении.

Эжа был как меж двух огней, с одной стороны, царская администрация, которая может его арестовать, и в этом случае его либо казнят, либо с семьёй отправят на каторгу. А с другой стороны — Шамиль, который приказал отрубить ему голову.

В марте-апреле 1843 года Шамиль с войском из нескольких сотен своих муртазеков окружил Гордали и Центорой, якобы в отместку за убийство кровниками центороевского наиба Шуаиба. В этих сёлах мало оставалось боеспособных мужчин. Оба села были сожжены и при этом казнены несколько человек, хотя в этом не было никакой тактической или иной целесообразности. Тем более, это было не по нормам шариата. Это было недопустимым даже в том, что каждый мужчина был ценен как потенциальный воин в войне против русских, а в селениях оставалось мало боеспособных мужчин. Это была жестокая и безрассудная месть злобствующего тирана.

Так «отблагодарил» Шамиль гордалойцев и центоройцев, одних из самых активных участников в боях против русских. А сам после этого, в 1859 году не побрезговал сдаться в плен на милость победителя. И это при том, что даже его родная сестра, при взятии аварского аула Ахульго русскими, бросилась в пропасть, чтобы не попасть к врагу в плен.

Допускаю возможные хронологические неточности в моем изложении в связи с отсутствием некоторых документально зафиксированных фактов тех или иных событий. Из урочища возле источников люди Эжи пошли вверх по Тереку и поселились в селении Лаха Нойре, где уже проживали ранее переселившиеся горцы. Сам Эжа, обеспечив семью минимумом, необходимым для жизни, с несколькими соратниками решил уйти за границу — через Грузию в Турцию. При этом Эжи, говорят, обещал вернуться.

Гордалойцы восстановили селение, а в 1858 его вновь сожгли, но уже русские. Из фамильных преданий известно, что в 1858 году сообщество чеберлоевских тайпов восстало против Шамиля и Эжа с частью своих людей примкнул к повстанцам.

Начиная с 18-го века, ещё с начала первых боестолкновений с царскими войсками, при шамилевском имамате, во время Гражданской войны, при советской власти начиная со времен начала коллективизации, во время 2-й мировой войны и вплоть до сегодняшнего дня (уже 21-й век) эти варварские методы коллективного наказания продолжают применять к чеченцам. Причём исполнителей этих наказаний не смущает, что они находятся в прямом противоречии

не только с общечеловеческими светскими законами, но и с нормами шариата, на которые так любят ссылаться некоторые, когда им это необходимо.

В 1858 или 1859 году при переходе через Главный Кавказский перевал, а это была уже поздняя осень, Эжа отморозил конечности, что и стало причиной его смерти. Он похоронен кистинцами на одном из своих кладбищ и эта весть позже дошла до Притеречья. В каком из кистинских селений он похоронен неизвестно. От трёх «немирных» братьев-гордалойцев, живших в первой половине 19-го века, произошли потомки, многие из которых в количестве нескольких сотен человек на сегодняшний день проживают в селении Лаха Нойре, а также в Грозном, Москве, других регионах России и в Западной Европе — в Бельгии, Англии и Франции.

Цеси

I

После этого экскурса в историю, вернёмся к нашему повествованию. По материалам проверки в одном из хозяйств района, мне понадобилось срочно, не откладывая (поджимали сроки), получить письменные объяснения от скотников, проживавших в высокогорном хуторе Цеси. Туда можно добраться пешком или верхом на лошади. На автотранспорте можно доехать до Химоя, а оттуда до 15 км по горной тропе. Примерно начало февраля 1986 года. В Шатое ярко светит солнце и приятный морозец — минус 3—4 градуса по Цельсию. В зимнее время наиболее опасно ездить именно на этом участке дороги. Я доложил начальнику РОВД Яхьяеву Хас-Магомеду о необходимости срочного выезда в Цеси и заодно попросил у него на полдня его новую служебную автомашину УАЗ. По этим дорогам, особенно зимой, подходит только такая автомашинa с высокой проходимостью.

С утра пораньше я с водителем начальника Аламом Данаевым выехал в Химой. Дорога туда пролегает через Шаро-Аргун и Дай. Это села, лежащие в объятиях шарройских гор. Эта земля хранит также как и остальные горные районы множество нераскрытых загадок. Узкие тропы, ниточкой выющиеся вверх по склонам, журчащие родники, бьющие прямо из под скал вряд ли кого когда либо могут оставить равнодушным. В Шарое множество жилых и боевых башен, многие из которых были разрушены как беспощадным временем, так и не менее беспощадным врагом. Эти старинные горные аулы раскиданные здесь словно выросшие из камней, хранят тишину древних исполинов. Сигнальные башни — молчаливые свидетели прошлого помнят все — набег степняков, победные гимны горцев и поверженные вражьи орды.

Весь Шарой окружен высокими хребтами и ущельями. Название его вероятнее всего, связано с прилагательным «шера» гладкий, плоский, которое в горных диалектах звучит как «шара». Оно может объясняться тем, что течение Шаро-Аргуна образует широкие ущелья с пологими берегами. Шарой состоял из нескольких десятков селений, крупнейшими из которых были Шарой, Химой, Хакмадой и Шикарой.

Известный грузинский историк Иван Джавахишвили связывал с топонимами Шарой, Шаро-Аргун этноним «сармат», который, по его мнению, звучит как «шармат». Но так как в греческом и латинском нет звука «ш», он был зафиксирован в античных источниках как «сармат». Элемент «Шар, Шаро» является древнейшей частицей этнотопонимического ряда и встречается во многих топонимах на территории Кавказа.

Начиная с Шаро-Аргуна и выше накануне выпал глубокий снег. Местами на дороге образовались заносы, камнепады. Мы планировали за пару часов быть в Химое (примерно 60 км от Шатоя), но из-за дорожных проблем задержались в пути и приехали туда только где-то к 13.00 часам. Водителя с автомашиной я сразу отправил обратно. Остановился у старика Неби. Неби стар, но ещё крепок, как многие старики в этих горах. Он жил один. В своём хозяйстве он содержал и несколько милицейских лошадей. В ту пору на хуторе проживали ещё три-четыре семьи. Ещё до депортации чеченцев это было крупное селение, здесь был райцентр Шаройского района. Люди в этих селениях жили с глубокой древности.

Любопытно отметить, что как-то будучи здесь ранее, я, прогуливаясь среди руин башен и замковых комплексов, рассматривал множество рисунков и знаков, вытесанных древними строителями. Среди этих знаков я видел и свастику. Видел я до этого эти и другие свастики и в терлоевских замковых комплексах.

Оказывается, это древние арийские солярные символы. Но тогда я об этом не знал. Помнится, я ещё тогда спросил у Неби, что означает у чеченцев эта «фашистская свастика». Неби

ответил, что не знает, что именно это значит. «Шира йоза» (древняя письменность) — лаконично и коротко охарактеризовал он это. Как будто я и сам об этом не знал. С его слов, раньше часто приезжали сюда и в окрестные места какие-то неместные люди, как туристы, искали и находили валявшиеся камни с этими и другими знаками и забирали их с собой. А некоторые камни трудно вытащить из стены, поэтому и остались. А кто они, зачем им они нужны были, никто не знает. Местным, живших в этих хуторах, до этого не было дела никому. И им, чужакам, никто не препятствовал.

Это сейчас уже становится понятно, зачем приходили эти «собиратели камней.» В последнее время развелось много претендующих стать «арийцами». Вполне возможно, что эти камни вновь найдутся, но только в другом месте. В этой связи автор этих строк порекомендовал бы интересующимся читателям прочитать «Библейские холмы» Эриха Церена. Он — немецкий журналист, писавший на тематику о проведении археологических раскопок в Палестине в 19-м и в 1-й половине 20-го веков. Он там подробно описывает, как некоторые предприимчивые лавочники-антиквары в Иерусалиме нелегально изготавливали «ценные артефакты» с нанесёнными на них, якобы, древними текстами и выгодно продавали их заезжим из Европы археологам и путешественникам.

...В Химое до сих пор нет электричества. Жилища круглый год отапливаются дровами. Разумеется, нет телевидения, холодильников. Но, то небольшое, что отличает условия жизни здесь от древности, — в каждом доме есть транзисторные радиоприемники. И каждый раз, когда я направляюсь в высокогорье, то покупаю батарейки. Это там востребованный подарок. В Химое я уже бывал много раз.

Термометр, что висит перед входом в саклю Неби показывал минус 13 градусов. И это в обеденное время, значит к вечеру столбик опустится ещё примерно до минус 20—23. Это высокогорье. Хотя такие холода здесь не так часты. А на перевале в это время температура может быть до минус 30—35 градусов. Скот здесь выпасают и в зимний период, так как на южной, солнечной стороне альпийских гор снег долго не держится и много высокой травы-сухостоя для выпаса скота. Часто бывают и зимние оттепели.

Милицейских лошадей на месте не оказалось. Более того, на хуторе не оказалось ни одной нормальной верховой лошади, чтобы отправиться в Цеси. Лошади на выпасе в урочище Амги-чу, там же, на случай обильных снегопадов, и заготовленные с лета копны сена. Вечером скотники иногда пригоняют скот к Химою. Но при сильных снегопадах, остаются возле зимних пастбищ, скот загоняют во временные загоны с помещениями и подкармливают сеном. А собаки-волкодавы ходят вокруг загонов и охраняют скот от волков. И чтобы сейчас направиться на пастбище и пригнать лошадь, понадобится не менее двух часов, а потом ещё надо лошадь подковать. У неподкованной лошади с седоком ноги на льду или снегу скользят и потому есть опасность сорваться в пропасть или обрыв. Поэтому Неби благоразумно предложил мне переночевать у него, а с утра пораньше верхом отправиться в Цеси.

Зимой дни короткие, а в горах они ещё короче и, пока я обедал наспех пожаренным вяленным соленым мясом, решил: если я останусь ночевать у Неби и только утром тронусь в путь, то потеряю ещё один день. А если я сегодня, хотя бы ночью, доберусь до Цеси, получу нужные письменные объяснения, переночую там же, а с утра — обратно и уже до вечера могу быть в Советском. У меня на исполнении было много других материалов и потому был ограничен во времени.

Заблаговременно я специально был одет в тёплую милицейскую зимнюю форменную одежду. Обычно форму я не ношу, так как я оперативный работник. Но сейчас на мне тёплая милицейская дубленка, шапка, хромовые сапоги, кожаные перчатки. Снаружи обтянут портупеей с кобурой и пистолетом с запасной обоймой, 16 патронов. Я молод и достаточно силен, «дыхалка» великолепная. Еще будучи слушателем Высшей школы МВД, в Горьком, преодолевал марш-бросок 60 км в спортивной одежде. 40 км — в милицейском мундире и в сапо-

гах, в ночное время, по компасу и звёздам. Десятки километров на лыжах по пересечённой местности в зимнее время. И все это не в качестве спортсмена-любителя или профессионала, а как обязательная программа с зачётами и экзаменами. Вот неожиданно и пригодилась мне эта закалка.

Я только попросил у Неби дать мне в дорогу лепешку и немного сыра. Я не голоден. Ужинать буду в Цеси, но в зимнее время при физической нагрузке у меня повышается аппетит.

Неби начал категорически возражать. Обычно угрюмый и немногословный, он разразился целой тирадой:

— Ты с ума сошёл?! Да здесь мы, местные, даже наши молодые, не стали бы так рисковать в зимнее время, под вечер, в такую дорогу пешком. Часа через полтора начнёт темнеть. Полпути, самую опасную часть, тебе придётся идти уже в темное время. В некоторых местах тропа осыпана. Родниковая и просачивающаяся из грунта вода замерзает и образовались большие ледяные глыбы, которые надо долбить чем-то, чтобы ногой ступить. Туда ходить и днём опасно. Местами тропа узкая. Люди по этой дороге ходят только в случае крайней необходимости и обязательно верхом и с ружьем. И они лучше знают обходные пути. Если что с тобой случится, меня же и будут упрекать, зачем, мол, старый, не отговорил. И в первую очередь мне этого твой дядя не простит. Ты же ещё и плоскостной чеченец?

Я настоял на своём. Меня задела его последние слова. Я уже давно не новичок в горах. Проблема была только в том, что я никогда не бывал в этом Цеси. Тем более, мне нечасто приходилось лазить в горах в зимнее время пешком. Горные тропы часто раздваиваются и поэтому я уточнил у Неби некоторые детали маршрута. Ориентироваться на местности я умею. У меня был с собой портфель с бумагами, куда я уложил свёрток с сыром, сушеным мясом, лепешкой, головкой репчатого лука и нарезанный дум (соленый и копченый бараний курдюк). Другой преysкурaнт блюд в этих горах редко предусмотрен. Полный уверенности в себе, я собрался в дорогу. Неби, после всех своих возражений, дал последнее напутствие:

— Сейчас очень холодно, все звери попрятались в норы, волкам нечего кушать. Они сейчас голодные, злые и дерзкие (берзaлой чlogla дeрa ю). Их сейчас много развелось. Всю ночь воют вокруг хутора, собакам покоя не дают. И ещё, будешь подходить к Цеси, желательно сделать один-два выстрела, там услышат и кто-то выйдет навстречу. Иначе тебя ещё собаки могут покусать как чужака. Эти собаки очень злые. На ночь, как правило, их спускают с цепей. Там других людей почти не бывает и потому они, кроме своих хозяев, никого не признают. Пистолет против здешних волков не оружие, возьми моё ружьё и хотя бы десяток патронов с крупной дробью.

Я отказался и от ружья — не хотел брать в пеший маршрут лишний груз. Я в РОВД и короткоствольный автомат Калашникова с собой не взял по этой причине. Самые опасные звери в этих краях — это медведи. И их здесь много. Но сейчас зима, и они спят.

— Ты очень упрям (хьo чlogla кьeрa вy). А я здесь вырос, так будь я помоложе, и то хорошенько вначале подумал бы, идти или нет в такое время? — недовольно пробурчал он.

II

...Я шёл быстрым шагом, чтобы мороз не сковал ноги. Наступал уже вечер. Я шёл по тропе вдоль горной быстрой речки Цеси-Ахк и различал на снегу следы зверей и птиц. Следов человека не было. А жаль, они были бы хорошим ориентиром. Я ещё не прошёл и треть пути, но Химой уже не виден. Тропа извилистая, между гор, местами в низине ровное плато. Кругом на всём пути камни и валуны под снегом. Впереди высокая, заснеженная иногда даже весной и осенью, вершина Цеси-Лам. Иду все время на незаметный подъем. Я понял, что засветло к опасной части пути, которая идёт над пропастью, точно не успею. А ведь это будет только половина пути. Пасмурно, местами туман, но это не обычный влажный туман, который приносит тепло, а этот туман морозный. Будет ещё холодней. И действительно, я почувствовал какой-то прилив волны сильного холода. Такое бывает в горах.

Идя ускоренным шагом, я регулировал дыхание. Это я умею, научился. Сказать честно, я себя не считаю профессиональным спортсменом, но могу легко бежать на втором дыхании, на третьем... Я иду размеренным шагом, стараясь не менять ритм и не сдерживать дыхание. Глотки делать нежелательно. Несмотря на ходьбу, начали мерзнуть ноги, — это плохо. Это должен быть сильный мороз, если даже при такой ходьбе ноги в хромовых сапогах начали мерзнуть. Руки в кожаных перчатках тоже начали мерзнуть. Я начал поочередно засовывать за пазуху каждую руку и обогреть. В свободной руке у меня портфель.

Начал делать пробежки, как на марш-броске. С сожалением отметил, что не знаю, сейчас лунный период или нет, но от этого мало толку, пасмурно. Я шёл и размышлял примерно о следующем - вот был бы повод для шуток бывшим однокашникам, если бы они знали, чем я занимаюсь. А мы, ещё будучи слушателями Высшей школы, посмеивались над сокурсниками, которые были направлены на учебу из таежных областей страны, из Сахалина, Алтая. Где, в каком регионе страны инспектор ОБХСС идёт пешком по морозу, по безлюдью, в горах, по бездорожью, тратя сутки времени, чтобы получить два-три объяснения, а иначе — материал неполный, недоработанный... Я уже два года работаю в этом районе. У меня показатели в работе одни из лучших в республике. Направили на год, а работаю уже третий. В городе, да и в любом плоскостном районе инспектора сидят в тёплых кабинетах, людей вызывают по повесткам, либо по телефону. При выездах на проверки сидят в тёплых уютных бухгалтериях...

Внезапно я почувствовал на себе чей-то взгляд сзади. Это правда, я явно почувствовал этот взгляд. Было убедительное чувство, что за мной кто-то следит. Оглянулся. А ведь до этого не было ни малейшего шума, ни треска. И голова была занята размышлениями, весьма далекими от этой реальности. Как когда-то выразился один советский юморист, наверное, «почувствовал спинным мозгом».

Я увидел метрах в ста примерно, как вначале показалось, немецкую овчарку. Но она была странная, белая. Наверное, она с каким-нибудь охотником или просто путником, но никого больше видно не было. Но таких овчарок здесь никто не держит. Здесь держат кавказские овчарки, иначе их называют волкодавами. В этих условиях они хорошо выживают сами и охраняют скот и людей от хищников.

Да это же волк. Он тоже остановился. Крупный. Но почему-то белый. Я не знал, что бывают белые волки. Альбинос. Стал как-то боком, мощная шея, зажатый между задних ног хвост. На меня не смотрит. Как будто я его не интересую. Ещё один показался, но серый. Хотя их было два, но я крикнул, обращаясь (по субординации), к белому вожаку, по-чеченски:

— Эй, борз (волк-чеч.)! Отстань и не ходи за мной! — Вытащил пистолет и передернул затвор, дослав патрон в патронник, но стрелять не стал. В лучшем случае пройдено около полпути, а патронов только шестнадцать. Ежеминутно оглядываясь, я продолжил путь на Цеси.

Протяжно где-то в стороне завыл ещё один волк. Ему откликнулся другой. Третий. И ущелье наполнилось эхом от этого жуткого воя. Было такое ощущение, что их очень много и они хотят взять меня в кольцо.

Похоже, что начинаются незапланированные приключения. И это приключение я запомнил даже в мелких деталях.

Лучше бы я послушался Неби, ведь он лучше меня знает ситуацию. А тут — эти сроки исполнения и, конечно же, гордыня, излишняя самоуверенность. Меня ещё задело то, что Неби засомневался, что если я «плоскостный», «теркхо» (чеченец из Притеречья), то вряд ли смогу дойти до цели в этих условиях. А ведь я ещё колебался, идти или нет. Он своими словами только подстегнул, спровоцировал меня. Он ещё не знает, что во всем РОВД я, по выносливости в горной местности, являюсь непревзойденным. Он намного старше меня и зря я на него обиделся. В конце концов, он же не хотел плохого для меня. Но надо двигаться вперёд. Иначе время работает против меня.

Волков уже я различил четыре. И неизвестно, сколько их ещё будет потом. Теперь так и будут идти по пятам и действовать на нервы. Каждую минуту приходится оглядываться. Да и не могу не оглядываться. Я шёл пока по открытой и относительно ровной низине, шириной примерно 100—150 метров, затем по обеим сторонам начинаются, покрытые заснеженными кустарниками и даже иногда хвойными деревьями, горы.

Возникла идея. Найти сухое поваленное дерево, каких здесь в изобилии, развести большой огонь и дожидаться утра у костра. Главное — не спать, а у костра я не замёрзну. Покушать что — у меня имеется. Бараний курдюк — хорошая защита от холода, это сильный источник внутренней тепловой энергии. И мне нравится жечь костёр. Глядишь, волкам надоест всю ночь меня караулить, померзнут и уйдут. А уже утром, при свете дня, дойду до цели, даже если придётся ползти. К костру волки точно не подойдут. А то ведь ночью идти с таким «эскортом» ещё опасней. Но здравый смысл все же подсказал, все кругом под глубоким снегом и сколько времени мне понадобится для того, чтобы развести огонь почти на снегу, из промерзшего дерева? Был бы керосин, ещё можно было бы попробовать. Но у меня только коробка спичек и в портфеле разные служебные бланки и несколько листов чистой бумаги для записей. Не догадался я взять в Химое флакончик или фляжку керосина. Это тоже было легкомысленной ошибкой. А ведь местные чабаны и пастухи всегда его берут с собой в зимнее время при большой заснеженности. Собираясь в дорогу я не рассчитывал на ночевку у костра.

Волки не отставали, но особо и не приближались. Когда я останавливался, они тоже останавливались.

Я остановился в очередной раз, чтобы хорошо обдумать свои дальнейшие действия. В одной руке — портфель, в другой — пистолет. Уже темнеет. Но от выпавшего снега, несмотря на мои опасения, было светло и волков на расстоянии я видел отчетливо. Воют. Этот вой очень неприятен, особенно когда ты один, других звуков или голосов нет и на помощь неоткуда рассчитывать. Наверное, других собратьев созывают. Если я прошёл полпути по относительно неопасному участку, то оставшаяся половина предстояла быть более сложной. В основном, узкая тропа над пропастью.

По рассказу Неби, где-то впереди должен быть ещё водопад и там начинается сложный участок пути. И все время на подъем. В направлении на Цеси-Лам. Плюс, по этому маршруту я никогда до этого не ходил. Это ещё и более длительный по времени остаток пути. И идти надо ночью. В некоторых местах тропа осыпана или размыта и потому под снегом она плохо просматривается.

Повернуть обратно на Химой (к черту гордыню и сроки!) — это быстрее и надежнее дойти до безопасного жилья, но на этом пути волки. Они голодны. Им жизненно необходима пища. Холод. Коченеют конечности. Я — как бы в западне. К тому же волки периодически воют и непонятно, им отвечают другие или это их эхо разносится по ущелью. В любом случае,

от этого не легче. Если я им кину мясо с курдюком и лепешкой, то это точно конец для меня. Они это мгновенно слопают и будут хотеть ещё. И уже точно не отстанут. Для всех все равно не хватит и они, озверев (если это слово правильно подходит здесь), набросятся на меня. Это будет только лишним стимулом для нападения. Холодная закуска перед пиршеством...

Помнится, что я тогда ещё подумал, -не дай Бог пистолет даст осечку, на таком морозе масляная смазка может застыть и механизм может заклинить. Об этом мне было известно. Например, в условиях Севера или Сибири, во избежание подобных проблем в армии и милиции применяют специальные сорта смазочных оружейных масел. Затянул на поясе португую потуже и на всякий случай пистолет засунул за пазуху для обогрева.

Подобрал увесистый камень, крикнул волкам на чеченском что-то вроде: «Хей, берзалой!» (Эй, волки!), и как можно дальше кинул его в их сторону. Затем произвёл один за другим два неприцельных выстрела. Волки дрогнули. Белый сделал несколько шагов в сторону и остановился, а другие заскочили в кустарниковую чащу и их уже не видно. Этот — вожак, его обязательно надо вспугнуть, подавить морально, либо подстрелить.

Мешал портфель. Я решил его выкинуть в последнюю очередь, когда будут заканчиваться патроны. Я его им кину закрытым. Он кожаный. Но волки будут чувствовать оттуда запах курдюка и мяса. Они должны основательно зубами поработать, чтобы его разорвать и добраться до пищи. Это на какое-то время их задержит. И я и на этом могу выиграть несколько сот метров расстояния и времени от их преследования...

И вдруг я вспомнил, что на дне портфеля есть наплечный ремень, которым до этого я никогда не пользовался. Быстро достал. Зацепил свободный конец к краю портфеля, просунул голову через ремень и пристроил его к спине как рюкзак. Подтянул ремень, чтобы не болтался — хоть какая-то защита со спины, мелькнула мысль. Вторая рука освободилась. На мне была милицмейская шапка-ушанка, которую я зашнуровал под подбородком. В случае, если волки накинута, самое опасное и незащищенное место — это лицо и шея. Поднял воротник дубленки, обмотал его милицмейским шарфом, сделав попрочее узел. И шея теперь защищена. А шею волки стараются прокусывать в первую очередь. В случае контактной схватки буду стрелять каждого в пасть, если будут кидаться ближе к лицу и шее. У волка самое опасное — это его пасть. Если челюсть повреждена, то волк не опасен. И совсем необязательно тратить патроны на туловище волка.

Правда, незащищенными остаются руки. Тело и ноги в хромовых сапогах более или менее защищены. Кожаные перчатки легко прокусить волчьими зубами. Но другого выхода нет. Главное, чтобы при этом, в суматохе, пистолет не выпал из руки. Оборвав нитки от лобной части ушанки, опустил его до бровей, закрыв лоб. Подобрал с земли жердь потолще и покрепче. Ударом об валун обломил лишнюю часть. Проверил на прочность. Это дополнительное оружие с немного заострённым концом, длиной примерно до полутора метров.

В одной руке жердь, в другой пистолет и, периодически постукивая об камни и кусты этой палкой, периодически покрикивая, как на собак и овец (а как иначе на них кричать?), издавая шум, пошёл на волков. Обойти их не было возможности, а другого выбора и пути у меня не было. Белый, при моем приближении, недовольно издал злоеющее и агрессивное рычание, очерив пасть, видимо возмущённый тем, что моё поведение «не по правилам». Действительно, у меня самого было ощущение того, что то, что я делаю, неестественно. Я видел себя как бы со стороны и иногда казалось, что кто-то управляет моими поступками. Расстояние уже становилось опасно близким и я поднял пистолет для его поражения. Начал целиться на ходу. Чтобы его основательно поразить надо сделать минимум 3—4 выстрела по туловищу. Но если подойти ещё ближе, то можно целиться не в туловище, а в голову. Если хорошо прицелиться, то достаточно одного-двух выстрелов. Расход патронов будет минимализирован.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.